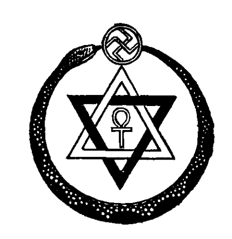

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah.

(Нѣтъ религіи выше истины).

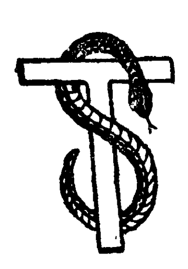
---

7 сентября.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

От Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати двѣ первыя брошюры: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“ и № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). Слѣдующія брошюры выйдутъ въ ближайшемъ времени.

Въ скоромъ времени поступаетъ въ продажу новаа книга П. Д. Успенскаго: „Tertium Organum, Ключъ къ загадкамъ міра“. Цѣна 2 рубля. Складъ въ типогр. „Трудъ“, СПБ., Кавалергардская, 40.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909 и 1910 года имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

Редакція.

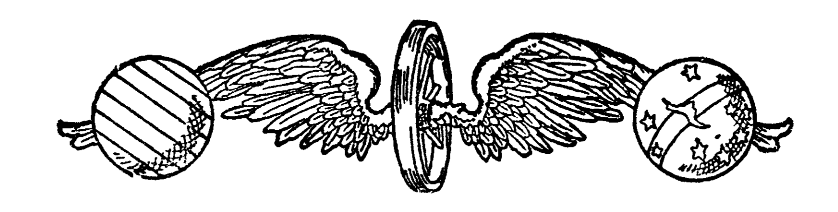

SOMMAIRE DU № SEPTEMBRE 1911.

СОДЕРЖАНІЕ

сентябрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

СТРАН.

Эволюція міра и человѣка.

Д-ра Штейнера.

*(Продолженіе *).*

Эволюція земной планеты.

Что такое планетная эволюція, этого нельзя выяснить привычными намъ понятіями; только „воображеніе“ можетъ помочь намъ. Сверхфизическія высшія переживанія могутъ быть передаваемы только въ картинахъ и сравненіяхъ.

Нельзя узнать того, что происходило на нашей землѣ, если не знать луны, но не той луны, которая извѣстна теперешнимъ астрономамъ.

Четвертая ступень сознанія, т.-е. наше настоящее сознаніе способно разсматривать міровыя явленія только съ точки зрѣнія минеральнаго царства **). Наука настоящаго времени не знаетъ „жизненной силы“: она представляетъ себѣ міръ какъ огромную машину въ движеніи. Отрицаніе внѣ-физической жизни сознаніемъ современнаго человѣка основано на томъ, что онъ не можетъ видѣть самой жизни, онъ можетъ видѣть только безжизненное. Человѣкъ 4-го круга живетъ въ царствѣ минеральномъ; отсюда и кристаллизація его мыслей.

Если мы станемъ изучать человѣческое ухо, мы увидимъ передъ собой сложный физическій аппаратъ, въ глубинѣ котораго находится цѣлая клавіатура, ударяя по которой, извнѣ входящія вибраціи вызываютъ звуки, совершенно какъ въ струнахъ фортепіано. *Физическій* человѣкъ есть въ сущности сумма физическихъ аппаратовъ, которые находятся между собою въ поразительныхъ

---

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г., № 7—8.

**) Оккультисту извѣстны и другія точки зрѣнія.

сочетаніяхъ и соотношеніяхъ. Не таковы высшія тѣла человѣка— эфирное и астральное.

Что касается человѣческаго сознанія, то оно проникаетъ прежде всего въ минеральное царство, затѣмъ—въ растительное, затѣмъ—въ животное и, наконецъ уже, въ человѣческое царство. Въ настоящее время человѣкъ позналъ только одно минеральное царство, остальное остается для него сокрытымъ; онъ смотритъ на все такъ, какъ можно смотрѣть только на минералъ. Когда же онъ поднимется изъ минеральнаго способа представленія въ растительное, онъ пріобрѣтетъ способность творить въ растительномъ царствѣ такъ же, какъ онъ творитъ нынѣ въ минеральномъ царствѣ. Что дѣлаетъ человѣкъ въ настоящемъ 4-мъ кругѣ своей эволюціи? Онъ строитъ изъ минераловъ, онъ комбинируетъ заново минеральныя силы, и этимъ перестраиваетъ творчески и самую землю.

Въ прошломъ, когда подготовляемая божественными Сущностями земля была передана въ руки человѣка, прошло нѣкоторое время прежде, чѣмъ онъ самъ началъ перестраивать землю. Но теперь онъ уже принялся за свое строительство; создаваемые имъ города, мосты, желѣзныя дороги и т. д. все это—начало, которое современемъ приведетъ человѣка къ конечной цѣли 4-го круга земной эволюціи, къ тому, чтобы *переработать всю землю въ произведенія искусства.* Разсматривая нашу планету, мы можемъ различить въ ней два различные вида: во-первыхъ, ея первобытное минеральное состояніе, землю, подготовленную божественными Сущностями, и, во-вторыхъ, землю, преобразованную человѣческимъ творчествомъ въ новый „глобусъ". На послѣднемъ не будетъ ни камней, ни скалъ, все преобразуется въ произведенія человѣческаго творчества будущими духовными поколѣніями. Въ грядущей эволюціи вся земля явитъ собою поистинѣ храмъ, въ которомъ все будетъ подчинено тремъ силамъ: Мудрости, Красотѣ и Добру. Есть глубокій смыслъ въ томъ, что человѣкъ строилъ на землѣ храмы, дворцы, мосты, машины и монументы: то, что въ этомъ 4-мъ кругѣ человѣкъ сдѣлаетъ изъ камня, то явится основой, типомъ новаго растительнаго царства на слѣдующей планетѣ. Все, сотворенное человѣкомъ на землѣ изъ камня и металла: города, храмы, дворцы, пирамиды, памятники, машины, мосты, все это сохранится такъ же, какъ цѣлое растеніе сохраняется въ состояніи зародыша въ сѣмени.

Здѣсь мы имѣемъ примѣръ того, какъ формы переходятъ изъ одного царства природы въ другое; человѣкъ передѣлывалъ

минералъ въ различныя произведенія своего творчества; эти произведенія разрушатся какъ формы, но какъ идеи они будутъ пребывать, и по этимъ идеямъ на слѣдующей планетѣ будетъ создаваться царство растительное. Человѣкъ придалъ твердому камню пластичность, онъ вдохнулъ въ него идею, и эта его творческая сила дастъ ему право изъ сѣмянъ своего собственнаго созданія творить пластическое растительное царство будущаго. Вѣрно понятая, эта идея раскрываетъ необъятныя перспективы въ далекомъ будущемъ. Она указываетъ на грядущія задачи человѣчества, на послѣдующія ступени его творчества. Такъ же, какъ на слѣдующей планетѣ человѣкъ будетъ творить растительное царство, такъ же онъ будетъ творить позднѣе и животное царство. Но, если это такъ, гдѣ же сѣмена этого второго акта человѣческаго творчества? Сѣмена, соотвѣтствующія тому, что человѣкъ заложилъ въ преобразованное имъ минеральное царство? Эти сѣмена таятся въ *словѣ* человѣка.

Намъ извѣстно, что человѣкъ, какимъ мы знаемъ его теперь, сталъ таковымъ съ того времени, какъ началъ дышать черезъ *легкія*. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно отдаетъ нѣчто изъ себя окружающему воздуху. Теперь онъ отдаетъ свои мысли, позднѣе онъ будетъ отдавать и самый образъ, воплощающій его мысль. Человѣкъ будетъ въ состояніи дѣлать это тогда, когда предметы будутъ такъ ярко отпечатываться въ его сознаніи, что образы ихъ начнутъ жить внутри его, и тогда *облекающее такіе образы слово человѣка станетъ творческимъ.*

Слѣдующая за этимъ ступень творчества проявится въ томъ, что человѣкъ будетъ не только создавать образъ, но и давать ему жизнь. Послѣдняя же ступень творчества посредствомъ *слова* выразится въ томъ, что человѣкъ будетъ въ состояніи воспроизводить себя самого. Воздухъ, которымъ будетъ окруженъ человѣкъ въ эти далекія времена будущаго, будетъ духовно проникнутъ словомъ. Тогда настанетъ высочайшая ступень человѣческой эволюціи, и, вмѣсто стихійнаго творчества въ мірѣ чувственномъ, человѣкъ начнетъ творить въ сверхчувственномъ и будетъ въ состояніи воспроизводить самого себя въ окружающей средѣ. До тѣхъ поръ онъ долженъ *ждать*. Посвященный тѣмъ и отличается отъ обыкновеннаго человѣка, что онъ *не ждетъ*, пока само стихійно-совершающееся развитіе дастъ ему такое тѣло, которое необходимо для послѣдней ступени творчества. Посвященный ускоряетъ эволюцію добровольнымъ трудомъ и напряженіемъ. Но придетъ время, когда созрѣетъ и это новое тѣло, тѣло будущаго,

способное черезъ слово воспроизводить самого себя. Сокровенная миссія воплотившагося Слова, Христа, находится въ связи съ этимъ будущимъ. Его распятіе во плоти означаетъ ни что иное, какъ фактъ воплощенія Совершеннаго Духа въ еще *незрѣлое тѣло*. Отсюда вытекаютъ величайшія христіанскія мистеріи. „Какъ вверху, такъ и внизу“.

Если обратиться въ глубь прошедшаго, въ тѣ времена, когда человѣкъ еще не перевоплощался, мы увидимъ землю совершенно иною, чѣмъ теперь. Чтобы узнать, каково было тогда поле дѣйствія человѣка, необходимо изучить бытіе тогдашней луны (тогда луна была мѣстомъ пребыванія человѣка, какъ теперь земля). Условія бытія на лунѣ были совершенно иныя, чѣмъ на землѣ: минеральнаго царства въ земномъ смыслѣ на ней совсѣмъ не было; вся луна представляла себою огромную растительную массу, которая была на половину растеніемъ, на половину минераломъ; лунныя скалы были изъ древесной массы, и ступать приходилось по поверхности, напоминающей теперешнія торфяныя болота. Этотъ лунный міръ былъ населенъ странными на нашъ взглядъ созданіями, которыя были на половину животными, на половину—растеніями и принадлежали одною своею частью къ высшему, а другою къ низшему царству; и позднѣе появившійся человѣкъ былъ также на половину человѣкомъ, и на половину животнымъ, и сознаніе у него было не ясное, такое какъ у насъ во снѣ. Той матеріи, изъ которой построены были тогдашнія существа, теперь болѣе не существуетъ; нѣчто подобное мы имѣемъ въ нашемъ нервномъ веществѣ, но теперь оно требуетъ прикрытія (черепъ, позвонки спинного хребта), тогда же—при совершенно иномъ воздухѣ и совершенно иныхъ условіяхъ—оно могло существовать во внѣ. Остаткомъ, атавизмомъ этого луннаго періода являются всѣ ракообразныя и панцырныя. На *этой* ступени развитія въ организмѣ человѣка не было еще жидкой крови; жидкая кровь возникаетъ позднѣе, и только тогда, когда у человѣка появились легкія, въ человѣческихъ тѣлахъ начали воплощаться тѣ Сущности, которыя въ эзотеризмѣ называются *Manasa Putras*.

Кто же были эти Сущности? Если мы углубимся въ давно прошедшее, мы убѣдимся, что чѣмъ далѣе мы отодвинемся отъ настоящаго, тѣмъ выше и выше будетъ подниматься температура окружавшей человѣка среды. Легкія у человѣка появились уже тогда, когда температура охладилась. Ранѣе, когда человѣкъ дышалъ не въ воздухѣ, а въ огненной атмосферѣ, онъ вдыхалъ *божественное изъ огня*, позднѣе онъ сталъ вдыхать вмѣстѣ *съ воз-*

духомъ духовное. Духовная человѣческая эволюція прошлаго, настоящаго и будущаго—въ тѣсной связи съ четырьмя элементами природы.

Элементомъ человѣческой жизни въ прошломъ (въ лунный періодъ) была *вода*: тогда человѣкъ дышалъ *огнемъ*. Элементомъ жизни настоящаго человѣка является *земля*: онъ дышетъ *воздухомъ*.

Въ будущемъ—элементомъ жизни человѣка будетъ *воздухъ*, еще позднѣе этимъ элементомъ будетъ *огонь*.

Огонь былъ стихіей высокой духовной іерархіи, носящей въ эзотеризмѣ названіе *Manasa Putras*, которые въ своей прежней, не земной эволюціи достигли той высоты, какой человѣкъ достигнетъ только въ концѣ своего развитія на землѣ. Оккультныя свѣдѣнія говорятъ, что они въ началѣ учили человѣка, а потомъ воплотились въ него.

Въ чемъ состоитъ законъ земной жизни? Онъ состоитъ въ процессахъ жизни,—*нисходящихъ и восходящихъ*. Въ настоящемъ процессѣ человѣкъ дышитъ стихійно, въ восходящемъ процессѣ—его дыханіе будетъ сознательное, ритмическое (этотъ восходящій процессъ извѣстенъ Іогамъ и благодаря ему они ускоряютъ свою эволюцію). Конецъ человѣчества стоитъ также въ связи съ дыханіемъ. На землѣ разовьется избытокъ угольной кислоты, и это будетъ при переходѣ теперешней плотной земли въ астральное состояніе. Человѣческому организму нечѣмъ будетъ дышать, настанетъ угасаніе всего физическаго, и тогда земля перейдетъ въ состояніе *пралайи* *).

Прежде чѣмъ возникла теперешняя земля, произошелъ совершенно аналогичный процессъ съ луной: процессъ дыханія на лунѣ былъ огненный, а въ атмосферѣ луны преобладалъ азотъ, такъ же, какъ теперь въ земной атмосферѣ преобладаетъ кислородъ; когда азота не стало въ достаточномъ количествѣ, тогда для луны наступило состояніе *пралайи* **).

Вся эволюція нашей земной цѣпи состоитъ изъ нисходящихъ и восходящихъ процессовъ. То же относится и къ человѣку. Такъ, тѣло его идетъ отъ животно-человѣческой лунной эволюціи, а духовная суть (Monada) его происходитъ изъ высшей эволюціи Духовъ Огня или *Manasa Putras*. Отсюда—двойственность человѣка.

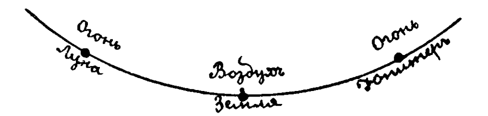
*) Состояніе пассивное, непроявленное, чередующееся съ состояніемъ активнымъ, проявленнымъ.

**) Причина, почему всѣ ціанистыя соединенія такъ вредны для человѣка, происходитъ отъ того, что они изъ лунной эволюціи, не подходящей для земныхъ условій.

Въ лунный періодъ Духовныя Сущности воплощались въ огонь, въ земной періодъ они воплощались въ воздухъ. Воплощеніе въ матерію—великая тайна. Что такое огненная матерія и какое имѣетъ она для насъ значеніе? Имѣетъ ли она связь съ теплотой нашей крови? Что согрѣло нашу кровь? Откуда у насъ страсти? Прежде чѣмъ возникли страсти, мы вдыхали духовъ огня (Feuergeister) и этотъ элементъ перешелъ въ нашу кровь и придалъ послѣдней теплоту. Тотъ огонь, который человѣкъ вдыхалъ въ лунный періодъ, остался въ человѣкѣ, въ его внутренной сути.

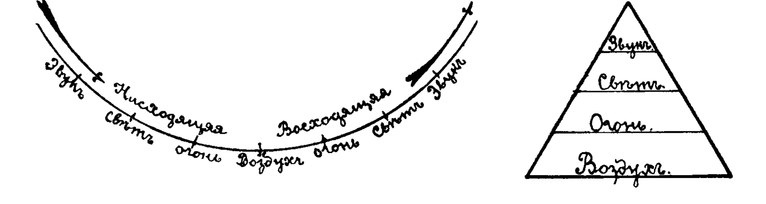
Истинный человѣкъ въ сущности—слагаемое изъ человѣка луннаго періода + позднѣйшій человѣкъ, облеченный въ чувственный покровъ.

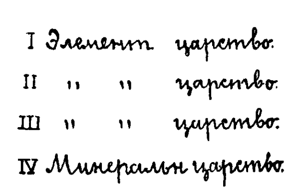
Такимъ образомъ духовное развитіе человѣка перешло отъ огненнаго элемента луннаго періода къ элементу воздуха земного періода, чтобы затѣмъ снова перейти, на ближайшей планетѣ, къ огненному элементу, но уже на восходящей линіи эволюціи.

Итакъ, въ наше время духовныя Сущности воплощаются *въ воздухѣ*. Ранѣе они воплощались *въ огнѣ*, еще ранѣе—*въ свѣтѣ*, еще ранѣе—*въ звукѣ*. Когда духовная суть человѣка была связана съ тремя послѣдними элементами (звукъ, свѣтъ и огонь), она не была еще самосознающей. Самосознаніемъ она овладѣла только въ космическій періодъ *воздуха*.

Въ дальнѣйшей эволюціи человѣческая духовная суть должна снова пройти черезъ элементы огня, свѣта и звука, но этотъ путь будетъ уже сознательный, а не стихійный.

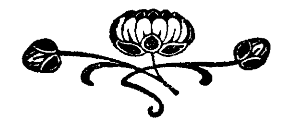
Движеніе человѣка черезъ три элементальныя царства шло безсознательно, и только начиная съ минеральнаго царства человѣкъ становится существомъ сознательнымъ. Вмѣстѣ съ созна-

ніемъ въ физической средѣ, у человѣка является понятіе отдѣльнаго *я*. Именно въ этомъ отдѣльномъ *я* и скрывается тотъ импульсъ, который послужитъ и причиной, и основой дальнѣйшаго человѣческаго развитія.

Если прослѣдить послѣдовательное развитіе человѣка, то мы увидимъ, что внутренняя не измѣнная суть его, „ядро его сути“ *), прошла черезъ звукъ, свѣтъ, тепло, и только въ четвертой стадіи облеклась въ видимую физическую форму, и здѣсь человѣкъ пріобрѣлъ „минеральное сознаніе“.

То была нисходящая эволюція (инволюція), направленіе же всей *вос*ходящей эволюціи дастъ *Слово*, тайна котораго раскрывается въ „Христіанскихъ Мистеріяхъ“.

Составлено по запискамъ **Е. П.**

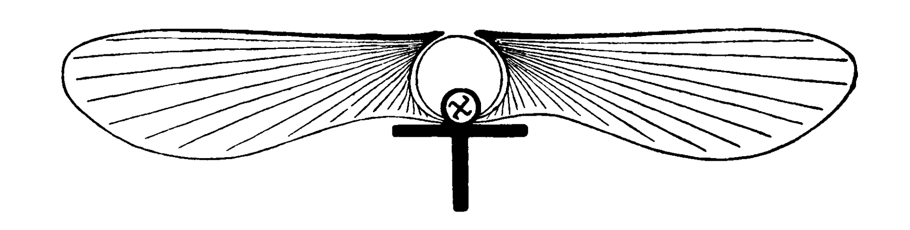
Есть существо непостижимое, которое существовало раньше Неба и Земли.
Безмолвное, сверхчувственное,
Оно одно остается и не измѣняется.
Я не знаю его имени.
Чтобы обозначить его, я называю его Тао.

То, что можетъ быть названо, не есть начало всего.
То, что безъ имени, то начало всего.
Понимать это начало можетъ только тотъ, кто свободенъ отъ страстей.

(Изреченія изъ Лао-Тзе).

---

*) Wesenkern.

Бхагавадъ-Гита.

(*Окончаніе* *).

XVIII беседа.

1.

Арджуна сказалъ:

О Могущественный, я желаю въ отдѣльности слышать отъ Тебя, Хришакеша [1]) сущность отреченія и освобожденія, о Кешинишудана! [2]).

2.

Благословенный молвилъ:

Отреченіе отъ дѣятельности, порожденной желаніями, мудрецы называютъ отреченіемъ; отреченіе отъ плодовъ всякой дѣятельности мудрые называютъ освобожденіемъ.

3.

„Дѣйствіе должно быть оставлено, какъ зло", говорятъ нѣкоторые религіозные мыслители; „жертвоприношенія, подаянія и подвиги не должны быть оставлены", говорятъ иные.

4.

Слушай мои заключенія объ отреченіи, о лучшій изъ Бхаратъ: отреченіе объявлено троякимъ, о тигръ среди людей.

---

* См. „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г., № 7—8.

[1]) Владыка чувствъ.

[2]) Истребитель враговъ свѣта.

5.

Жертвоприношенія, подаянія и подвиги не должны быть оставлены, а должны исполняться; жертва, подаянія, и подвигъ очищаютъ мудраго.

6.

Но и эти дѣйствія должны совершаться свободно [1]) и безъ мысли о наградѣ [3]), о Партха: таково мое глубокое [2]) убѣжденіе.

7.

Воистину не слѣдуетъ отказываться отъ предписанныхъ дѣйствій; такой отказъ, происходящій отъ заблужденія, считается темнымъ [4]).

8.

Тотъ, кто отрекается отъ дѣйствія изъ страха физическихъ страданій, говоря „больно", совершая такимъ образомъ страстное отреченіе, не получаетъ плодовъ отреченія.

9.

О Арджуна! исполняющій предписанное дѣйствіе, говоря: „Оно должно быть совершено", и отказывающійся въ то же время отъ привязанности и отъ плодовъ [5]), совершаетъ чистое отреченіе.

10.

Тотъ, кто отрекается отъ дѣйствія, исполненный чистоты [6]), разумный и свободный отъ сомнѣній, не ненавидитъ непріятнаго дѣйствія и не привязывается къ пріятному.

11.

Воистину не можетъ воплощенный вполнѣ отказаться отъ дѣйствія; тотъ, кто отказывается отъ плодовъ дѣйствія, воистину отказывается.

---

1) Буквально: оставивъ всякую привязанность.
2) Буквально: оставивъ плоды.
3) Буквально: мое наилучшее мнѣніе.
4) Тамазическимъ.
5) Т. е., плодовъ дѣятельности.
6) Проникнутый Саттвой.

12.

Троякъ плодъ дѣйствій послѣ смерти для неотрекшагося: добрый, недобрый и смѣшанный; но для отрекшагося нѣтъ плодовъ.

13.

Узнай отъ меня эти пять причинъ, о Могущественный, какъ онѣ изложены въ Санкхія [1]) для совершенія всѣхъ дѣйствій:

14.

Тѣло, дѣйствующій, различные органы, разнаго рода энергіи, а также Божество [2]).

15.

Какое бы дѣйствіе не совершалъ человѣкъ тѣломъ, словомъ или мыслью, справедливое или несправедливое, причиной дѣйствій являются эти пять.

16.

И потому тотъ, кто, благодаря недомыслію, смотритъ на свое обособленное я какъ на дѣятеля, тотъ въ неразуміи своемъ не видитъ.

17.

Кто свободенъ отъ себялюбивыхъ представленій, чей разумъ не затуманенъ, тотъ не убиваетъ, даже если онъ убиваетъ, и онъ не связанъ.

18.

Познаваніе, познаваемое и познающій—троякое побужденіе къ дѣйствію: органъ, дѣйствіе, дѣйствующій—троякое сочетаніе дѣйствія.

19.

Въ наукѣ о качествахъ познаніе, дѣйствіе и дѣйствующій также опредѣляются, какъ троякое, вслѣдствіе различія качествъ; услышь же о нихъ отъ Меня.

---

[1]) Философія, изложенная мудрецомъ Санкхія.

[2]) Т. е. воля высшая.

20.

То, посредствомъ чего единое неизмѣнное Бытіе познается во всѣхъ существахъ, какъ раздѣльное въ отдѣльномъ, знай, что такое познаніе чистое.

21.

То знаніе, которое разсматриваетъ различныя многообразныя существованія во всѣхъ существахъ, какъ отдѣльныя, знай, что такое знаніе страстное.

22.

Стремленіе же прилѣпляться къ каждой отдѣльной вещи, какъ будто бы она—все,—такое неразумное, узкое непониманіе реальнаго именуется темнымъ.

23.

Надлежащее дѣйствіе, совершаемое безъ желанія плодовъ, безъ любви или ненависти, именуется чистымъ [1]).

24.

Но дѣйствіе, совершенное желающимъ наслажденія [2]), изъ себялюбія или съ большимъ усиліемъ, такое дѣйствіе называется страстнымъ.

25.

Дѣйствіе, предпринятое вслѣдствіе заблужденія, безъ вниманія къ способности и послѣдствіямъ, къ ущербу и ко вреду для другихъ—именуется темнымъ.

26.

Свободный отъ привязанности и самоутвержденія, исполненный твердости и довѣрія, неизмѣнный среди успѣха и неудачи, такой дѣятель называется чистымъ.

27.

Полный страсти, жаждущій достигнуть плодовъ дѣйствій, жадный, жестокій, нечистый, движимый радостью и горемъ, такой дѣятель именуется страстнымъ.

---

1) Сатвическимъ.

2) Буквально: желающимъ желанія.

28.

Дисгармоничный, грубый, упрямый, фальшивый, лукавый, лѣнивый, легко впадающій въ отчаяніе, постоянно все откладывающій, такой дѣятель называется темнымъ.

29.

Подобно качествамъ, трояко и раздѣленіе разума и твердости; объ нихъ услышь открыто и подробно, о счастьемъ рожденный [1]).

30.

Разумъ, который познаетъ исходящую энергію и воздержаніе [2]), что должно и что не должно быть исполненнымъ, страхъ и безстрашіе, рабство и освобожденіе, такой разумъ называется чистымъ, о Партха.

31.

Разумъ, посредствомъ котораго невѣрно познается добро и зло, то что должно и что не должно быть исполненнымъ, такой разумъ страстенъ, о Партха!

32.

Разумъ, окутанный мракомъ, считающій зло добромъ и видящій всѣ вещи въ искаженномъ видѣ, такой разумъ теменъ [3]), о Партха.

33.

Та непоколебимая твердость, посредствомъ которой черезъ іогу направляется работа мысли, дыханія и органовъ чувствъ, такая твердость, о Партха, чистая.

34.

Но та твердость, о Арджуна, посредствомъ которой человѣкъ крѣпко держится долга изъ желанія плодовъ, вожделѣній и богатства, такая твердость, о Партха, страстная.

35.

Та же твердость, посредствомъ которой человѣкъ изъ глупости крѣпко держится за сонъ, страхъ, горе, отчаяніе, а также тщеславіе, такая твердость, о Партха, темная.

---

[1]) Дхананджая.

[2]) Буквально: Исходящую и возвращающуюся энергію.

[3]) Тамазиченъ.

36.

А теперь услышь отъ меня тройственный видъ радости, о богатырь [1]) среди Бхаратъ! Услышь о радости, которая прекращаетъ страданіе.

37.

Та радость, которая сперва подобна яду, а затѣмъ обращается въ нектаръ [2]), эта радость чиста и рождена блаженнымъ [3]) познаніемъ Я.

38.

Та радость, которая въ началѣ, отъ сліянія чувствъ съ предметомъ чувствъ, подобна нектару, а потомъ становится ядомъ, такая радость именуется страстной.

39.

Та радость, которая и въ началѣ, и впослѣдствіи рождается отъ самообмана, возникая отъ сонливости, лѣни и безпечности, такая радость—темна [4]).

40.

Нѣтъ ни единаго существа на землѣ или даже на небѣ среди Свѣтозарныхъ, которое бы было свободно отъ этихъ качествъ, рожденныхъ матеріей.

41.

Обязанности Брахмановъ, Кшаттрія, Вайишія и Шудръ были распредѣлены, о Парантапа, согласно качествамъ, рожденнымъ ихъ собственной природой.

42.

Ясность, самообладаніе, подвигъ, чистота, всепрощеніе, а также прямота, мудрость, знаніе и вѣра въ Бога, таковъ долгъ Брамина, рожденный его природой.

43.

Безстрашіе, великолѣпіе, твердость, доблесть, а также неспособность бѣжать съ поля битвы, великодушіе, свойства правителя, таковы качества Кшаттрія, рожденныя его природой.

---

[1]) Буквально: быкъ.

[2]) Подобна нектару.

[3]) Буквально: рождена божествомъ познанія Я.

[4]) Тамазична.

44.

Землепашество, скотоводство и торговля суть обязанности Вайишія, рожденныя его природой. Дѣятельное служеніе [1]) есть долгъ Шудры, рожденный его собственной природой.

45.

Человѣкъ достигаетъ совершенства, исполняя свой долгъ въ совершенствѣ. Услышь, какъ достигается совершенство строгимъ исполненіемъ своего долга.

46.

Поклоняясь тому, отъ Котораго исходятъ всѣ творенія и Которымъ все проникнуто, выражая свое поклоненіе Ему выполненіемъ своего долга, человѣкъ достигаетъ совершенства.

47.

Лучше исполнять свой собственный незамѣтный долгъ, чѣмъ блестяще исполнить долгъ другого. Исполняя долгъ, вытекающій изъ его собственной природы, человѣкъ не совершаетъ грѣха.

48.

Семейный долгъ, о сынъ Кунти, если онъ даже совсѣмъ не удовлетворяетъ [2]), не долженъ быть брошенъ. Воистину, всѣ дѣйствія [3]) окутаны ошибками, подобно тому, какъ огонь окутанъ дымомъ.

49.

Тотъ, чей разумъ не привязанъ ни къ чему, чье *я* покорено и умерло для желаній, тотъ идетъ отреченіемъ къ высшему совершенству свободы безъ всякой принудительности Кармы.

50.

Отъ Меня научись, какъ достигающій совершенства приходитъ къ Брахману, къ высочайшему состоянію мудрости, о Каунтея.

---

[1]) Буквально: дѣятельность, которая по своей природѣ есть служеніе.

[2]) Буквально: хотя и съ недочетами.

[3]) Буквально: всѣ предпріятія.

51.

Соединившись съ очищеннымъ Разумомъ, побѣдивъ себя стойкостью, отказавшись отъ звуковъ и иныхъ предметовъ чувствъ, сбросивъ съ себя страсть и вражду;

52.

Пребывая въ одиночествѣ и въ воздержаніи, покоривъ свою рѣчь, тѣло и умъ, постоянно сосредоточенный въ размышленіи и іогѣ, ищущій пріютъ въ безстрастіи;

53.

Откинувъ эгоизмъ, насиліе, надменность, желаніе, гнѣвъ, жадность и себялюбіе [1]), исполненный мира,—онъ достоинъ стать божественнымъ [2]).

54.

Ставъ божественнымъ, въ сліяніи съ Единымъ, онъ не скорбитъ и не желаетъ; одинаковый со всѣми существами, онъ обрѣтаетъ высшую преданность ко Мнѣ.

55.

Преданностью Онъ познаетъ Меня въ Моей сути, Кто Я и что Я; познавъ Меня такимъ образомъ въ самой сути Моей, онъ затѣмъ вступаетъ въ Нее [3]).

56.

Хотя и совершающій всѣ дѣйствія, прибѣгающій ко Мнѣ обрѣтаетъ Моей благостью вѣчную неразрушимую обитель.

57.

Отрекаясь мысленно отъ всѣхъ дѣйствій ради Меня [4]), устремленный духомъ на Меня, опираясь [5]) на іогу распознаванія, всегда думай обо Мнѣ.

58.

Думая обо Мнѣ, ты преодолѣешь Моей благостью всѣ препятствія; но если ты изъ себялюбія не захочешь слушать, ты погибнешь.

---

1) Самости.

2) Буквально: природы Брахмана.

3) Буквально: въ это.

4) Буквально: устремивъ все вниманіе на Меня.

5) Буквально: найдя пріютъ въ

59.

Погрузившись въ эгоизмъ, ты думаешь: „Я не хочу бороться“; тщетны твои рѣшенія: природа принудитъ тебя къ борьбѣ.

60.

О Сынъ Кунти! связанный своимъ долгомъ, рожденнымъ твоей собственной природой, ты будешь въ своей безпомощности принужденъ совершить то, чего ты въ заблужденіи не хочешь дѣлать.

61.

Господь пребываетъ въ сердцахъ всѣхъ существъ, о Арджуна; силою Своего Могущества Онъ заставляетъ двигаться всѣхъ непрерывно.

62.

Ищи у Него прибѣжища всѣмъ твоимъ существомъ, о Бхарата; Его милостью ты достигнешь высочайшаго мира, непреходящей обители.

63.

Тебѣ Я открылъ мудрость болѣе сокровенную, чѣмъ самая тайна; размышляй объ ней всецѣло, а затѣмъ поступай такъ, какъ велитъ голосъ совѣсти [1]).

64.

Снова услышь Мое высочайшее и самое тайное слово; Мною любимъ ты съ безстрашнымъ сердцемъ и потому Я открою его для твоего блага.

65.

Погрузи свой умъ въ Меня, будь преданъ Мнѣ [2]), жертвуй Мнѣ, простирайся ницъ предо Мною, и ты пріидешь ко мнѣ. Я даю тебѣ мое обѣтованіе: ты дорогъ Мнѣ.

66.

Оставивъ всѣ обязанности, ищи только у Меня убѣжища; не скорби, Я освобожу тебя отъ всѣхъ прегрѣшеній.

---

[1]) Буквально: такъ, какъ ты услышалъ.

[2]) Буквально: будь Моимъ преданнымъ.

67.

Никогда не говори объ этомъ кому-либо невоздержанному, кто не исполненъ преданности, не желаетъ слушать или говоритъ дурно обо Мнѣ.

68.

Тотъ, кто откроетъ эту высочайшую тайну среди Моихъ послѣдователей, проявившихъ беззавѣтную преданность Мнѣ, тотъ несомнѣнно прiидетъ ко Мнѣ.

69.

И среди людей нѣтъ человѣка, совершающаго болѣе цѣннаго служенiя Мнѣ, чѣмъ онъ, и не будетъ на землѣ болѣе возлюбленнаго для Меня.

70.

И тотъ, кто будетъ изучать нашу священную бесѣду, тотъ научится поклоняться Мнѣ, воздавая Мнѣ жертву мудрости. Такова моя мысль.

71.

Также и человѣкъ, исполненный вѣры, лишь слушая эту бесѣду съ благоговѣнiемъ, тѣмъ самымъ освобождаясь отъ зла, достигаетъ лучезарныхъ мiровъ праведника.

72.

Выслушано ли все это Тобою съ сосредоточеннымъ вниманiемъ, о сынъ Притхы? Уничтожено ли твое невѣдѣньемъ рожденное заблужденiе, о счастьемъ рожденный [1]).

73.

Арджуна сказалъ:

Разрушено мое заблужденiе. Черезъ Твою милость, о Неизмѣнный [2]), я достигъ знанiя. Я твердъ, мои сомнѣнiя унеслись отъ меня. Я поступлю по Твоему слову.

---

[1]) Дхананджаи.

[2]) Ачiюта.

74.

Санджая молвилъ:

Я слышалъ эту чудесную бесѣду Васудевы [1]) и Партхы съ великой душой и, внимая имъ, мои волосы стали дыбомъ.

75.

Милостью Віясы [2]), я услышалъ эту тайну высочайшей іоги изъ устъ Господа Іоги, Самого Кришны, говорившаго передъ моими очами.

76.

О царь, вспоминая, вспоминая эту чудную и святую бесѣду Кешавы [3]) съ Арджуной, я снова и снова радуюсь.

77.

Вспоминая, вспоминая также эту самую чудесную форму Гари [4]), велико мое изумленіе, о Царь. Я радуюсь снова и снова.

78.

Тамъ, гдѣ Кришна, Господь Іоги, тамъ, гдѣ Партха воинъ [5]), тамъ обезпечены благоденствіе, побѣда и счастье. Такъ думаю я.

Такова въ славныхъ Упанишадахъ Бхагавадъ-Гиты, науки Вѣчнаго, писанія Іоги, бесѣды Шри Кришны и Арджуны XVIII пѣсня, именуемая:

Іога освобожденія путемъ отреченія.

Благословенному Кришнѣ земной поклонъ. Да будетъ радость!

Такъ кончается Бхагавадъ-Гита.

Миръ всѣмъ мірамъ!

Пер. **И. М. и Alba.**

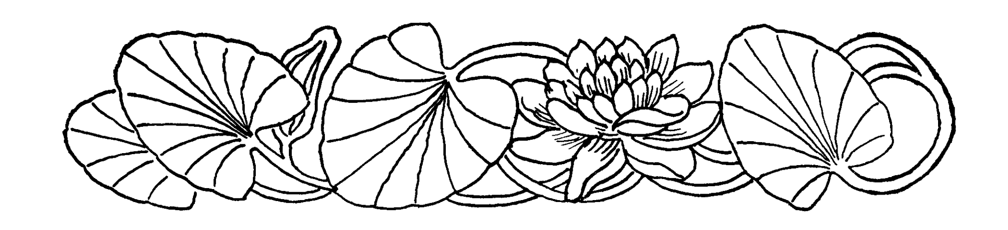
[1]) Кришна.

[2]) Мудрецъ, составившій Веды и Магабарата.

[3]) Съ великолѣпными волосами.

[4]) Второе лицо индусской троицы, Тримурти.

[5]) Буквально: стрѣлокъ.

Гермесъ Трисмегистъ. [1])

*(Продолженіе *).*

Вселенское Слово Гермеса къ Асклепію.

Гермесъ. Всякое движимое, о Асклепій, не движется ли въ чемъ-нибудь и посредствомъ чего-либо?

Асклепій. Несомнѣнно.

Г. Движимое вѣдь непремѣнно меньше по величинѣ, чѣмъ область движенія?

А. Непремѣнно.

Г. Двигатель не сильнѣе ли движимаго.

А. Конечно.

Г. Область движенія вѣдь непремѣнно иного рода, нежели движимое?

А. Да, конечно.

Г. Этотъ міръ такъ великъ, что нѣтъ тѣла большаго, чѣмъ онъ.

А. Я согласенъ.

Г. И онъ плотенъ, ибо наполненъ великимъ множествомъ тѣлъ, или, вѣрнѣе, всѣми существующими тѣлами.

А. Это правда.

Г. Тѣло ли міръ?

А. Да.

Г. И онъ подвиженъ?

А. Несомнѣнно.

Г. Какою же должна быть область его движенія и въ какомъ родѣ? Не нужно ли, чтобы она была больше міра, дабы могъ онъ тамъ двигаться, не задерживаясь и не останавливаясь въ своемъ ходѣ?

А. Это нѣчто весьма великое, о Трижды величайшій.

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г., № 7—8, стр. 55.

Г. А въ какомъ родѣ? Въ иномъ родѣ, неправда ли? а противоположное тѣлу не есть ли безплотное?

А. Я согласенъ.

Г. Итакъ, область безплотна, но безплотность либо божественна, либо—Богъ. Я называю божественнымъ не то, что рождено, но то, что несотворено. Если оно божественно—оно существенно, если оно Богъ—оно внѣ сущности. Къ тому же оно постигаемо нами, и вотъ какъ: во-первыхъ Богъ постигаемъ нами не Самимъ Собою, ибо постигаемое подлежитъ ощущенію постигающаго. Богъ же постигаемъ Самимъ Собою, ибо въ Немъ—мыслящее есть ничто иное, какъ мыслимое. Отъ насъ Онъ различенъ, потому то мы Его и постигаемъ. Если пространство постижимо, оно не Богъ, оно—пространство. Если оно Богъ, то не какъ пространство, но какъ начало протяженія. Но то, что движимо, движется не въ подвижномъ, но въ незыблемомъ. Двигатель незыблемъ, ибо онъ не можетъ раздѣлять движенія подвижного.

А. Какъ же, о Трижды величайшій, здѣсь мы видимъ движеніе движимыхъ, раздѣленное ихъ двигателемъ? Ибо ты говорилъ, что блуждающія сферы движимы неподвижной сферой?

Г. То не раздѣляемое движеніе, о Асклепій, но противо-движеніе. Эти сферы движутся не въ одномъ направленіи, но въ противоположномъ. Это противостояніе сообщаетъ движенію опредѣленное сопротивленіе, ибо изъ противодѣйствія движеній—недвижность; блуждающія сферы движимы противоположно недвижной сферой, ихъ обратное движеніе производится ихъ взаимнымъ сопротивленіемъ, а иначе и быть не можетъ. Видишь ли эти Медвѣдицы, эти созвѣздія, что ни заходятъ, ни встаютъ? Вращаются ли они вокругъ одной точки, или они подвижны?

А. Они движутся, о Трижды величайшій.

Г. Каково же движеніе ихъ, о Асклепій?

А. Они вращаются безпрестанно вокругъ одной точки.

Г. Обращеніе вокругъ одной точки есть движеніе, заключенное въ недвижности. Ибо круговращеніе препятствуетъ отклоненію, а воспрепятствованное отклоненіе сосредоточивается въ круговращеніи. Противодѣйствіе этихъ двухъ движеній производитъ незыблемое состояніе, всегда утверждаемое взаимными сопротивленіями. Я приведу тебѣ примѣръ изъ земного. Взгляни, напримѣръ, на плаваніе людей и животныхъ: противодѣйствіе рукъ и ногъ дѣлаетъ человѣка устойчивымъ и мѣшаетъ ему быть унесеннымъ движеніемъ воды и утонуть.

А. Это сравненіе весьма ясно, о Трижды величайшій.

Г. Итакъ, всякое движеніе производимо въ покоѣ и покоемъ. Такъ, движеніе міра и всякаго вещественнаго животнаго является не

извнѣ, но производится изнутри наружу душою, духомъ или инымъ какимъ-либо безплотнымъ началомъ. Ибо тѣло не можетъ двигать одушевленнаго: оно не можетъ двигать даже бездушное тѣло.

А. Что хочешь ты сказать, о Трижды величайшій? Дерево, камень и всѣ прочія бездушныя тѣла—развѣ они не двигатели?

Г. Ничуть, о Асклепій. То, что внутри тѣла, что движетъ бездушнымъ предметомъ—вотъ общій двигатель тѣла несущаго и предмета несомаго. Никогда бездушный предметъ не можетъ двигать другой бездушный предметъ. Всякій двигатель одушевленъ, разъ онъ производитъ движеніе. Также видимъ, что душа обременена, если подлежитъ ей сносить два предмета. Очевидно же, что всякое движеніе производимо чѣмъ нибудь и въ чемъ либо.

А. Но движеніе должно производиться въ пустотѣ, о Трижды величайшій.

Г. Не говори этого, Асклепій. Нѣтъ пустоты во вселенной. Одно лишь небытіе пусто и чуждо существованія. Но бытіе не могло бы быть, если бы не было полно существованіемъ. То, что есть, не можетъ никогда быть пусто.

А. Развѣ нѣтъ пустыхъ вещей, о Трижды величайшій,—напримѣръ, пустой сосудъ, пустая бочка, пустой колодецъ, ящикъ и т. п. вещи?

Г. Какое заблужденіе, Асклепій! Ты мнишь пустыми вещи совсѣмъ полныя и совсѣмъ занятыя.

А. Что говоришь ты, Трижды величайшій?

Г. Развѣ воздухъ не тѣло?

А. Да, это тѣло.

Г. Это тѣло не проницаетъ ли все и не наполняетъ ли всего, черезъ что проходитъ? Не состоитъ ли всякое тѣло изъ четырехъ стихій? Все, что ты считаешь пустымъ, вѣдь наполнено воздухомъ и, слѣдовательно, четырьмя стихіями. И въ обратномъ смыслѣ можно сказать, что все, считаемое тобою полнымъ, безвоздушно, ибо присутствіе иныхъ тѣлъ не допускаетъ воздухъ занять то же мѣсто. Итакъ, предметы, называемые тобою пустыми, порожни, но не пусты, ибо они существуютъ и полны воздуха и флюида.

А. На это нѣтъ возраженія, Трижды величайшій: воздухъ — тѣло, а это тѣло проницаетъ все и пополняетъ все, что проницаетъ. Но что скажемъ объ области, гдѣ движется вселенная?

Г. Она безтѣлесна, о Асклепій.

А. Что же такое безтѣлесность?

Г. Самообъемлющіе разумъ и разсудокъ, свободные отъ всякаго тѣла, чуждые заблужденій, безстрастные и неощутимые, незыблемые въ

самихъ себѣ, всеобъемлющіе, вседержащіе. Ея лучи — благо, истина, начало свѣта, начало души.

А. Что же такое Богъ?

Г. Богъ не есть что-либо изъ всего этого, но Онъ—начало всего вообще и всякаго бытія въ частности *). Онъ ничего не оставилъ въ небытіи; всякое бытіе происходитъ отъ того, что есть, а не отъ того, чего нѣтъ. Небытіе не можетъ стать чѣмъ нибудь: свойство его — невозможность быть. Свойство бытія, напротивъ, невозможность прекратиться.

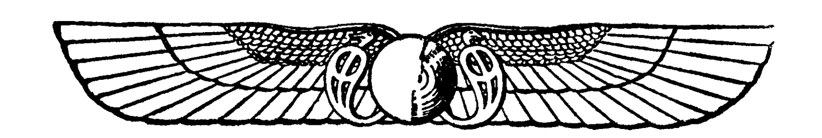
А. Какъ же опредѣляешь ты Бога?

Г. Богъ—не разумъ, но причина разума; Онъ—не духъ, но причина духа, Онъ — не свѣтъ, но причина свѣта. Оба имени, которыми подлежитъ чтить Бога, Ему одному подобаютъ и никому иному. Ни одинъ изъ тѣхъ, кого называютъ богами, ни изъ людей, ни изъ демоновъ, никоимъ образомъ не можетъ называться благимъ; этотъ санъ подобаетъ лишь единому Богу. Онъ есть благо, и ничто иное. Всѣ другія существа—внѣ природы блага; они — тѣло и душа, и нѣтъ въ нихъ мѣста для блага. Благо равняется величіемъ бытію всѣхъ существъ, тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ, ощутимыхъ и невещественныхъ. Таково благо, таковъ Богъ. Не называй же благимъ существо иное—это нечестіе; не говори о Богѣ, что Онъ есть что-либо иное, кромѣ блага,—это также нечестіе. Всѣ произносятъ слово: благо, но не всѣ понимаютъ его; также не всѣ разумѣютъ Бога, и, по невѣдѣнію, называютъ благими боговъ и нѣкоторыхъ людей, хотя тѣ и не могутъ ни быть, ни стать благими. Всѣ прочіе боги зовутся безсмертными и даютъ имъ имя боговъ, какъ достоинство. Но для Бога благо не достоинство, это Его природа. Богъ и благо—одно и тоже и начало всего прочаго; ибо свойство блага—все давать, ничего не получая. А Богъ все даетъ и ничего не пріемлетъ. Итакъ, Богъ есть благо, а благо—Богъ. Другое имя его — Отецъ, ибо Онъ—Создатель; свойство же Отца—создаваніе. Вотъ почему наивысшее отправленіе жизни и священнѣйшее—произрожденіе, а величайшее несчастіе и величайшее нечестіе — покинуть человѣку жизнь, не имѣя дитяти. Не воздавшіе этого долга караются демонами послѣ смерти. Вотъ какова ихъ кара: душа ихъ обречена войти въ тѣло, которое ни мужское, ни женское,—состояніе, проклятое подъ солнцемъ. Итакъ, о Асклепій, не завидуй судьбѣ бездѣтнаго, но пожалѣй о несчастіи его, помышляя объ ожидающемъ его искупленіи.

Таковы, о Асклепій, первыя основы познанія природы.

---

*) Сравн. Бхагавадъ-Гита, VII, IX, X.

Іога-Сутра.

Патанджали.

(Переводъ Двиведи—съ санскритскаго, переводъ съ англійскаго

С. Татариновой).

*(Продолженіе *).*

XVI. *Оно является высшей ступенью, такъ какъ будучи самой Пурушей, при немъ наступаетъ полное прекращеніе малѣйшаго проявленія gunas.*

Гуны, или свойства Пракрити, хорошо извѣстны. Такое отрѣшеніе, въ которомъ совершенно отсутствуетъ сознаніе, что человѣкъ достигъ высшаго знанія, и есть самое высшее и лучшее. За отрѣшеніемъ, описаннымъ въ предыдущемъ афоризмѣ, слѣдуетъ, подъемъ сознательнаго интуитивнаго знанія (саттвагуна); а то, о которомъ говорится здѣсь, нераздѣльно съ Кайваліа, конечнымъ блаженствомъ, при которомъ все—одна Пуруша, ничего не существуетъ кромѣ нея, единой всемірной жизни, вѣчно неизмѣнной и полной блаженства. Этотъ родъ Вайрагіа называется „пара" (para) или высшая, въ отличіе отъ предыдущаго, который только „апара", т. е. низшій.

XVII. *Состояніе сознательности—это то, которое достигается путемъ доказательствъ, разсужденія, радости и ощущенія бытія.*

Тутъ описывается состояніе, именуемое Samâdhi или сосредоточиваніемъ, конечная цѣль Іоги. Оно бываетъ двухъ родовъ. Первое—когда сознается отдѣльность мыслящаго отъ мысли. При второмъ, которое сейчасъ будетъ описано, такого различія совершенно не ощущается. Хотя умъ и свободенъ отъ измѣненій его

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г. № 5—6, стр. 45.

состоянія, все же онъ сознаетъ то, съ чѣмъ отождествляетъ себя; поэтому эта Samâdhi называется сознательной (Samprajnâta) или „съ сѣменемъ“ (Salija) *). Samâdhi есть родъ Bhavana, намѣренія или осуществленія желанія стать чѣмъ нибудь.

Предметами размышленія будутъ тѣ двадцать пять категорій или Tattvas, которые объяснены санкхія; изъ нихъ двадцать четыре суть продукты Prakriti, безчувственной матеріи, и только одна, двадцать пятая категорія относится къ Пурушѣ, душѣ.

Если размышленіе имѣетъ предметомъ что нибудь, относящееся къ 5-ти грубымъ элементамъ и органамъ внѣшняго воспріятія, и имѣетъ въ виду удостовѣреніе ихъ взаимныхъ отношеній и отношеній ихъ именъ къ истинному ихъ смыслу, то это называется обоснованнымъ размышленіемъ Savitarka. Когда тѣ же категоріи, но безъ всякаго разсмотрѣнія ихъ сущности, отношеній и пр. служатъ предметомъ размышленія, оно называется Nirvitarka или неаргументативнымъ размышленіемъ. Когда пять Tanmâtras, образующія сущность элементовъ и внутренній органъ перцепціи, сами дѣлаются предметами размышленія по отношенію къ пространству, времени и пр., то получается Gavichâra или разсудочное мышленіе. Мысль о томъ же, но безъ всякаго отношенія къ чему нибудь, есть Nirvichara-Samâdhi. Оба эти вида и противоположные имъ именуются Grahya-Samâpatti, познаніемъ вещей, доступныхъ познанію.

Когда размышляютъ о свойствахъ чистаго, пассивнаго воспріятія **) (sattva) во внутреннемъ органѣ перцепціи для подчиненія двухъ остальныхъ—страсти (Rajas) и грубой неподвижности (Tamas)—это будетъ Sananda или радостное размышленіе, ибо радость, результатъ sattv'ы, причина, позволяющая чувствамъ выполнять свои функціи, ощущается тогда во всей ея полнотѣ. Это называется Grahane-Samâpatti, познаніе орудія познаванія. Тѣ, кто останавливаются на этой ступени и не достигаютъ до сознанія Пуруши, называются Videha, свободными отъ матеріальныхъ узъ. Размышленіе о чистой пассивности (sattva) безъ малѣйшей примѣси двухъ другихъ свойствъ называется Sâsmita или размышленіемъ съ ощущеніемъ бытія. Asmi—означаетъ „я есмь“, а Asmita—это ощущенія бытія. Это не есть эготизмъ (Ahankâre), ибо здѣсь только сознаніе бытія, независимо отъ утвержденія формы „я есмь“. Область Ahankar'ы и будетъ Sananda-Samâdhi, такъ она близко

*) Ее называютъ также Savikalpa.

**) Патанджали употребляетъ слово „пассивность“ въ смыслѣ состоянія, лишеннаго всякой личной, субъективной окраски.

соприкасается съ Пурушей, чрезъ которую и отъ которой все существуетъ. Это называется Grihity-Samâpatti, познаніе познающаго. Тотъ, кто достигъ этой степени, называется Prakritilaya, т. е. растворившійся въ Prakriti, не поднявшійся выше ея *).

Во всякомъ мыслительномъ актѣ есть познающій, познаваемое и орудіе познаванія. Четвертый родъ самадхи имѣетъ отношеніе только къ познающему (Grihitri); третій—къ орудіямъ познанія (Grahania, см. Indriyas); а первый и второй—къ познаваемому (Grahya), т. е. къ объектамъ познанія. Первый видъ относится къ Strulabhutas и Indriyas; второй—къ Tanmatras и Antahkarania; третій—къ ahankara, а четвертый—къ Пурушѣ. Выражая тоже самое иначе,—получимъ, что размышленіе о какомъ либо грубомъ предметѣ, какъ напр., идолѣ или формѣ изображенія какого нибудь бога, составляетъ первый видъ размышленія; размышленіе о невидимыхъ причинахъ грубой формы составляетъ второй видъ; размышленіе объ орудіяхъ знанія и о причинѣ, движущей ими, будетъ относиться къ третьему виду, а размышленіе о причинѣ всѣхъ причинъ, истинной сущности всего, будетъ послѣднимъ видомъ мышленія. Первый видъ заключаетъ въ себѣ всѣ четыре, а способъ перехода отъ перваго къ второму и дальше, состоитъ въ исключеніи или игнорированіи тѣхъ частей, которыя совершенно усвоены сознаніемъ, и уже не могутъ встрѣтиться на пути и помѣшать дальнѣйшему размышленію **).

XVIII. *Другое состоитъ только изъ Samskaras, будучи достигаемо упражненіемъ въ томъ, что ведетъ къ полному прекращенію.*

Комментаторы расходятся въ объясненіи этого афоризма. Мы придерживаемся объясненія Бхашіа и Vâchaspati и отвергаемъ объясненіе Бхожа. Maniprabha согласенъ съ нами. „Другое“ означаетъ другой видъ Самадхи-Асампражната или безсознательный. Въ этомъ сосредоточиваніи, которое и есть настоящая цѣль Іоги, не существуетъ особаго сознанія познающаго и познаваемаго. Оно достигается упражненіемъ Вайрагіа, называемой Пара (см. аф. XVI), которая приводитъ умъ въ состояніе полнаго покоя, состоянія, въ которомъ всѣ измѣненія его или останавливаются или совсѣмъ прекращаются. Постоянное упражненіе въ этомъ высшемъ отрѣшеніи освобождаетъ умъ даже отъ впечатлѣнія, оставляемаго въ немъ Самадхи, описанной въ предыдущемъ параграфѣ. Оно кла-

---

*) См. Maniprabha. Значеніе, придаваемое этому слову Rhoja, противорѣчитъ его собственному объясненію этого слова въ XVIII парагр.

**) Для дальнѣйшихъ разъясненій см. Madhusudana и его коментаріи на Bhagavadgita (гл. VII, стихъ 15).

детъ на него свой собственный отпечатокъ и удерживаетъ его въ постоянномъ равновѣсіи. Самскара означаетъ отпечатокъ, знакъ, оставляемый однимъ предметомъ на другомъ, — впечатлѣніе, которое можетъ быть вызвано во всякую минуту. Когда же высшее отрѣшеніе наложитъ свою печать на умъ и изгладитъ всѣ прежнія впечатлѣнія, тогда очевидно умъ, которому не будетъ мѣшать никакое другое впечатлѣніе, кромѣ впечатлѣнія pairavairagya, если только его можно назвать помѣхой, поневолѣ будетъ оставаться въ состояніи полнаго равновѣсія, близкомъ къ пустотѣ, но въ то же время и невыразимо блаженномъ. Это состояніе полнаго прекращенія измѣненій ума и представляетъ собой настоящую Іогу (см. отд. II). Это безсознательное размышленіе, т.-е. такое, въ которомъ нѣтъ опредѣленнаго сознанія, называется также Нирбиджа,—безплоднымъ *), Samprajnata-Samâdhi, или безполезнымъ; ибо истинная Іога состоитъ не въ этомъ родѣ концентраціи, а въ Asamprajnata-Samâdhi, какъ это будетъ видно далѣе.

XIX. *Видимый міръ является причиной Videha и Prakritilaya.*

Видеха и Пракритиляйя объяснены въ аф. XVII. Тѣ, которые остановились на этой степени прогресса, суть низшіе Іоги, и ихъ Samâdhi—только низшій видъ упражненія, всегда зависящій отъ существованія міра. Они не познали конечной сущности и поэтому погружены въ міръ явленій, въ которомъ они родились или перевоплотились въ ту или другую форму, хотя бы и черезъ долгіе промежутки времени. Въ Vaya pârana сказано: „Размышляющій объ Indriyas пребываютъ на небесахъ въ продолженіе 10-ти Манвантаръ; объ Bhutas—ста лѣтъ; объ Ahankara—тысячи лѣтъ, о Buddhi—десяти тысячъ лѣтъ; объ Aoyanta—въ продолженіе лаха **); но не можетъ быть опредѣленъ срокъ пребыванія на небѣ тѣхъ, кто размышлялъ о Parapurush'ѣ".

Кругозоръ первыхъ ограниченъ матеріальнымъ міромъ, и поэтому этотъ видъ Samâdhi не можетъ служить конечной цѣлью, хотя онъ и полезенъ, какъ родъ упражненія. Ищущіе достиженія скрытыхъ силъ должны заключить въ сердцѣ своемъ эти умные слова Патанжали. Настоящая Samâdhi не стремится ни къ тому, ни къ другому.

XX. *Въ другихъ ей предшествуютъ вѣра, энергія, память, разсужденіе.*

Ей, т.-е. Samâdhi. У истинныхъ Іоговъ ей предшествуютъ не Видеха и Пракритиляйя, а вѣра и пр. Вѣра это твердая и ра-

*) И еще Nirvikalpa.

**) Одинъ изъ величайшихъ цикловъ.

достная увѣренность ума въ значеніи Іоги. Истинная вѣра всегда ведетъ къ энергичному дѣйствію, которое въ свою очередь, въ силу своей яркости, вызываетъ въ умѣ все прежнее знаніе о предметѣ. Это и есть та энергія, которая ведетъ къ истинному распознаванію добра и зла. Тѣ, кто съ вѣрой и пр. принимаются за изученіе Іоги, достигаютъ высшей Самадхи черезъ Сампражнату, которая ведетъ къ Пайраваραджіа и затѣмъ уже къ Асампрайнатѣ.

XXI. *Это состояніе легче достигается тѣмъ, кто сильнѣе желаетъ достичь его.*

Трудно перевести слово Samvega. Это означаетъ не только чувство, но рѣшительное вліяніе на умъ; оно превращаетъ всю душу въ одно чувство и ведетъ къ непосредственному дѣйствію. Комментаторы передаютъ это слово выраженіемъ Вайрагія, и оно ближе всего подходитъ къ его настоящему значенію. Тѣ, кто чувствуютъ достаточно глубоко, то есть тѣ, у кого Вайрагія достаточно сильна, тотчасъ достигаютъ состоянія Асампражната—Самадхи.

XXII. *Дальнѣйшія различія происходятъ отъ слабаго, умѣреннаго или сильнаго* (стремленія).

Сильный, умѣренный и слабый относятся къ способамъ, о которыхъ упоминается въ аф. XVIII и XX. Каждый изъ этихъ способовъ можетъ быть слабъ, умѣренъ, или силенъ, но всѣ они должны быть проникнуты Тиврасамвегой, пылкимъ чувствомъ отрѣшенія. Эта Самвега въ свою очередь можетъ быть троякая: слабая, умѣренная и сильная. Отсюда всѣ Іоги естественно могутъ быть раздѣлены на девять классовъ, такъ какъ всякій изъ нихъ, примѣняющій одинъ изъ этихъ способовъ, опять таки могутъ обладать стремленіемъ слабымъ, умѣреннымъ или сильнымъ. Результатъ, безсознательное сосредоточиваніе *), будетъ соотвѣтствовать степени средствъ и стремленія.

XXIII. *Или преданіемъ себя Ишварѣ.*

Достичь Парасамадхи или безсознательнаго сосредоточиванія возможно и другимъ путемъ. Это выражено здѣсь частицей „или“. Ишвара—слово, происходящее отъ корня ish—управлять, и означаетъ верховнаго правителя. Природа этого Ишвары объяснена въ слѣдующемъ афоризмѣ.

---

*) Подъ этимъ выраженіемъ надо понимать такое состояніе духа, при которомъ мысль по привычкѣ, безъ волевого усилія, мгновенно затихаетъ въ устремленіи къ высшему.

Прим. Ред.

Предать себя означаетъ не только умственное подчиненіе, но полную зависимость, отданіе себя другому. Суть дѣла въ томъ, что главнымъ препятствіемъ къ Samâdhi является привязанность (râga), которая и вызываетъ измѣненія мыслящаго начала. Эта же râga возникаетъ только потому, что мы считаемъ себя вполнѣ способными дѣлать добро и избѣгать зла. Если отбросить эту ложную увѣренность, въ результатѣ получится чистое отрѣшеніе, ближайшій путь къ Samâdhi. Если это отрѣшеніе можетъ быть достигнуто вышеозначенными способами, то это хорошо; но если мы ничего не достигаемъ съ ихъ помощью, то указанный здѣсь способъ можетъ оказаться полезнымъ. Надо настолько отдаться волѣ Высшаго Существа, чтобы стимуломъ движенія было только выполненіе его милостивой воли, а не достиженіе того или другого результата. Нужно сносить все, добро, зло и безразличное просто, какъ актъ Его милосердія, подчиняясь которому, дѣлаешь Ему угодное. Нужна твердая увѣренность, что дѣятельность безъ мысли о плодахъ и есть настоящая преданность Ишварѣ и путь къ Паравайраджіа, преддверію Samâdhi.

XXIV. *Ишвара есть особая Душа, недоступная скорби, дѣяніямъ, наслажденіямъ и впечатлѣніямъ.*

Хорошо извѣстно, что Sankhya, дополненіемъ которой служитъ Іога, не признаетъ Ишвару, такъ какъ Kapila ясно говоритъ, что существованіе ея „не доказано". Патанджали вводитъ Ишвару. Ишвара не есть личное существо, и въ то же время оно и не вполнѣ безлично, подобно Брамѣ Ведантъ. Очевидно это Пуруша, особая Пуруша, тѣмъ болѣе, что она не похожа на извѣстную или познаваемую Пурушу. Она вѣчно свободна, вѣчно безгрѣшна, вѣчно всевѣдуща. Она недоступна скорби, дѣламъ, пользованію чѣмъ бы то ни было и впечатлѣнію, недоступна во всякое данное время, иначе Ишварою были бы даже Мукты, освободившіеся отъ грѣховъ. Она будетъ опредѣлена впослѣдствіи, здѣсь же нужно замѣтить, что все перечисленное согласно этому ученію составляетъ причину несчастія въ жизни, освобожденіе отъ котораго и является цѣлью Іоги. Ишвара—конечное прибѣжище всѣхъ существъ—очевидно долженъ быть свободенъ отъ всего этого.

XXV. *Въ ней заключается высшій предѣлъ сѣмени всевѣдѣнія.*

Такъ какъ предѣлъ всякаго качества находится въ безконечности, то то же относится и къ всевѣдѣнію, свойству Antahkaran'ы. Тотъ, кто достигъ этой степени всевѣдѣнія, не можетъ быть ни-

чѣмъ инымъ, какъ Ишвара. Этотъ афоризмъ хотя и описываетъ особое свойство божества, не даетъ, однако, яснаго доказательства этого утвержденія, и мало помогаетъ точному изложенію идеи Патанджали о Богѣ. Можетъ быть мы даже не особенно удалились-бы отъ нея, если-бы опредѣлили Ишвару какъ всепроникающій духъ, проявляющійся въ природѣ.

XXVI. *Не будучи ограниченъ временемъ, онъ есть высшій изъ высшихъ.*

Это не требуетъ поясненія. Всевѣдѣніе не должно быть ограничено временемъ, и потому Онъ, чье знаніе и существованіе безпредѣльны, есть величайшая изъ постижимыхъ сущностей, будутъ-ли то божества, міры, или творенія.

XXVII. *Показателемъ ея служитъ „слово славы“.*

„Слово славы“ есть Пранава, которое буквально значитъ то, „что хорошо прославляетъ“. Это мистическое слово *Om*—сущность всего ученія. Что-же касается его истиннаго значенія, то лучшее по своей сжатости объясненіе можно найти въ Мандикія—Упанишадъ.

Всѣ священныя книги, начиная съ Ведъ и кончая Пуранами, учатъ, что въ этомъ священномъ словѣ заключается тайна всѣхъ тайнъ, источникъ всѣхъ силъ. Здѣсь говорится, что оно—показатель Ишвары не потому, что, подобно обычнымъ словамъ, оно условно употребляется людьми въ этомъ смыслѣ, а потому, что оно само по себѣ есть Ишвара, самая его форма воплощаетъ въ себѣ ту правду, которая составляетъ сущность всего міра въ его проявленномъ и непроявленномъ видѣ.

XXVIII. *(Надо упражняться) въ его постоянномъ повтореніи и умственномъ размышленіи объ его значеніи.*

Джапа означаетъ размышленіе, но оно должно сопровождаться настоящимъ размышленіемъ о значеніи повторяемыхъ словъ или слоговъ. Тантры рекомендуютъ какъ лучшій способъ для такого повторенія Манаса или умственное; оно не должно никогда прекращаться, даже во время работы, даже во время сна *).

XXIX. *Слѣдствіемъ этого будетъ познаніе субъэктивности и устраненіе препятствій.*

Настоящая цѣль, средствомъ для которой и служитъ вышеназванная Джапа, есть ничто иное, какъ Самадхи; но тутъ указывается и на пользу такого упражненія, какъ на предшедствую-

*) Такое упражненіе предполагаетъ предварительное очищеніе и доступно только просвѣтленному Іогу. Кромѣ того, само выраженіе „произносить Св. Слово“ имѣетъ еще значеніе чисто мистическое и можетъ быть передано первымъ прошеніемъ молитвы Господней: „Да святится имя Твое!“ Прим. Ред.

щую ему ступень. Pratyak означаетъ то, „что идетъ противъ" обычнаго стремленія чувствъ, которое всегда направлено на внѣшнее. Чатана есть ни что иное какъ Пуруша, умъ, нераздѣльный съ природой.

Сущность, заключенную въ чистой формѣ этого существеннаго сознанія, мы называемъ „познаніемъ субъэктивности" за неимѣніемъ подходящаго выраженія. Смыслъ этого довольно ясенъ, ибо тутъ подразумѣвается, что чувства перестаютъ распространяться наружу и направляются къ истинному, внутреннему источнику всѣхъ поступковъ и разума.

Нельзя сомнѣваться, что повтореніе имени Ишвара ведетъ къ познанію своего *я*, ибо въ сущности оба они составляютъ одно по сходству своихъ свойствъ, какъ говоритъ Маниправха. Въ результатѣ получается устраненіе препятствій. Въ слѣдующемъ афоризмѣ опредѣляются эти препятствія.

XXX. *Болѣзнь, скука, сомнѣніе, безпечность, лѣнь, забота о земномъ, ложное понятіе, уклоненіе отъ цѣли и неуравновѣшенность,—служатъ причинами разсѣянія ума и суть препятствія.*

Болѣзнь, скука, сомнѣніе, безпечность, лѣнь не требуютъ поясненій. Забота о земномъ означаетъ настроеніе ума, жаждущаго того или другого минутнаго удовольствія. Ложное понятіе состоитъ въ томъ, что человѣкъ ошибочно хочетъ достигнуть какого нибудь состоянія, но только не того, котораго слѣдуетъ на самомъ дѣлѣ. Уклоненіе отъ цѣли означаетъ уклоненіе отъ истинной цѣли, т. е. Samâdhi. Неуравновѣшенность — это такое колебаніе ума, которое мѣшаетъ ему пребывать въ состояніи Самадхи, даже когда онъ уже достигъ его. Вотъ, что отвлекаетъ умъ и мѣшаетъ ему достичь цѣли; поэтому они называются препятствіями на пути къ Samadhi. Ихъ никогда не испытаетъ тотъ, кто послѣдуетъ методу, изложенному въ XXVIII афоризмѣ.

XXXI. *Скорбь, нервность, раздраженіе, вдыханіе и выдыханіе являются спутниками причинъ разсѣянія.*

То есть они слѣдуютъ за препятствіями, изложенными въ афоризмѣ XXX. Они служатъ показателями состоянія ума.

Скорбь, нервность, раздраженіе, — слова не требующія поясненія. Вдыханіе и выдыханіе тоже являются показателями извѣстнаго состоянія души, ибо, когда умъ находится въ состояніи разсѣянности, вдыханіе и выдыханіе дѣлаются ненормальными. Ненормальность процесса дыханія, равно какъ и любое изъ состояній, описанныхъ какъ скорбь и пр., служитъ вѣрнымъ признакомъ разсѣяннаго состоянія ума. Нормальное дыханіе „является луч-

шимъ показателемъ достигнутаго полнаго спокойствія или дѣйствительной Самадхи" *).

XXXII. *Чтобы избѣжать всего этого, надо усиленно сосредоточиться на чемъ нибудь одномъ.*

Умъ долженъ какъ нибудь прочно установиться. Для этого нужно умѣть всегда и во всякую данную минуту упражняться въ Сампрайжнатѣ-Самадхи — сознательномъ мышленіи. А упражняться въ немъ можно усиленно сосредоточиваясь на чемъ-либо, поименованномъ въ афоризмѣ XVIII. Бхашія при этомъ подробно доказываетъ единство сознанія, вопреки тѣмъ нигилистамъ, которые утверждаютъ, что все наше знаніе есть ни что иное, какъ комплексъ смѣняющихся состояній сознанія.

XXXIII. *Радостное состояніе ума получается черезъ упражненіе въ сочувствіи, состраданіи, довольствѣ, и равнодушіи къ счастію, несчастію, добродѣтели и пороку.*

Здѣсь указывается легчайшій и лучшій путь, чтобы сохранить умъ въ томъ состояніи покоя, которое всего болѣе способствуетъ достиженію Самадхи. Подъ сочувствіемъ здѣсь разумѣется то согласіе чувствъ съ предметомъ, вызывающимъ душевное движеніе, которое мы испытываемъ при видѣ счастія или несчастія. При видѣ чужого счастія, мы должны сами испытывать такое-же чувство; — это и есть сочувствіе. Состраданіе—такое-же чувство по отношенію ко всякому роду несчастія. Но надо помнить, что одного пассивнаго сожалѣнія недостаточно. Тутъ предполагается и посильное дѣйствіе со стороны сочувствующаго. Довольство рождается радостью при видѣ добродѣтели и приносимыхъ ею жертвъ. Порокъ и безуміе занимаютъ къ несчастію въ мірѣ такъ много мѣста, что самое меньшее, что можно испытывать по отношенію къ нимъ, — это полное безстрастіе. Если-же кто въ состояніи исцѣлить порокъ и безуміе, то онъ этимъ приноситъ жертву высшаго порядка.

XXXIV. *Или же выдыханіемъ и задержкой дыханія.*

Этотъ афоризмъ указываетъ на другой методъ для укрѣпленія ума, на такъ называемую Пранаяму **).

---

*) Достигнутое равновѣсіе и самообладаніе душевное ведутъ за собою установленіе совершеннаго ритма, гармоніи въ организмѣ, показателемъ чего является нормальное, т. е. глубокое и спокойное дыханіе. *Прим. Ред.*

**) Пранаяма практикуется на Востокѣ сравнительно безопасно, потому что наслѣдственность, пища и весь строй жизни подготовляютъ организмъ къ такимъ упражненіямъ. Тѣмъ не менѣе и тамъ Пранаяма обыкновенно практикуется подъ наблюденіемъ гуру (духовнаго руководителя). Прим. Ред.

XXXV. *Причиной укрѣпленія ума служитъ также усиленное, доведенное до конца познаваніе какого-нибудь чувственнаго наслажденія.*

Другой способъ укрѣпить умъ для тѣхъ, кто не можетъ этого сдѣлать иначе, какъ посредствомъ какого-нибудь чувственнаго воспріятія, состоитъ въ томъ, чтобы сосредоточить все свое вниманіе на одномъ изъ пяти чувствъ: обоняніе, вкусъ, зрѣніе, осязаніе и слухъ. Это достигается сосредоточиваніемъ ума на кончикѣ носа, кончикѣ языка, задней части нёба, срединѣ языка или корнѣ его. Не надо забывать, что это только подготовленіе къ болѣе глубокой работѣ.

XXXVI. *Или же безпечальное состояніе духа, полное свѣта (приводитъ къ Самадхи).*

Свѣтъ, о которомъ здѣсь говорится, это свѣтъ чистой саттвы. Когда умъ глубоко погруженъ въ это свойство чистаго воспріятія (sattva), то вслѣдъ за этимъ наступаетъ просвѣтлѣніе, свободное отъ всякой печали. Вачаспаттимишра замѣчаетъ, что въ сердцѣ находится подобіе лотоса съ восемью лепестками, обращенное лицомъ внизъ. При медитаціи ихъ положеніе постепенно мѣняется. Тогда размышляющій начинаетъ видѣть тихій, ровный свѣтъ вродѣ луннаго или солнечнаго. на подобіе молочно-бѣлаго океана. Это есть Джіотисъ, тотъ свѣтъ, который служитъ вѣрнымъ признакомъ достигнутой совершенной чистоты (sattva).

XXXVII. *Или же умъ, направленный на то, что свободно отъ привязанности и пр. (приведетъ къ той же цѣли).*

Свободные отъ привязанности, проистекающей отъ страсти (Rajas), и отъ грубой неподвижности (Tamas),—причины всѣхъ скорбей—исполнены саттвы. Таковы великіе Магатмы, какъ Кришмадвайпаява, Шука, Санака и другіе. Рама, Шива, Кришна, Христосъ, Будда или иной Учитель, который рисуется нашему вообраденію, приведутъ насъ къ блаженной цѣли, если мы будемъ благоговѣйно устремлять на нихъ свою мысль. Поглощеніе сознанія другимъ сознаніемъ, великимъ и блаженнымъ, приведетъ къ Самадхи.

XXXVIII. *Или же испытанное во время грезы или сна (приведетъ къ цѣли).*

Іога не считаетъ сонъ пустотой; поэтому она и совѣтуетъ сосредоточить умъ на свойствѣ глубокаго сна. Сновидѣніе—это такое состояніе ума, при которомъ онъ одинъ остается активенъ безъ помощи внѣшнихъ чувствъ. Даже это состояніе можетъ быть предметомъ сосредоточиванія, чтобы достичь указанной цѣли.

Полезно упражнять воображенiе, такъ какъ это первый шагъ на пути къ Самадхи.

XXXIX. *Или же размышленiе, смотря по склонности каждаго.*

Указавъ столько разныхъ методовъ для укрѣпленiя ума, Патанджали однимъ словомъ опредѣляетъ намъ принципъ, на которомъ они всѣ основаны. Необходимо только прiучить умъ оставаться погруженнымъ во всякое данное время во что-нибудь, или же вызывать передъ собою то, что хочешь видѣть. Здѣсь важно отмѣтить, что чувственные предметы и все, что легко возбуждаетъ, или какимъ бы то ни было образомъ можетъ вызвать дурныя мысли и влiянiя, считается неподходящимъ для размышленiя.

XL. *Власть его распространяется отъ мельчайшаго атома до безконечности.*

Разъ настоящее сосредоточиванiе достигнуто, оно даетъ власть, начиная отъ малѣйшихъ атомовъ до безконечности. Тотъ, кто способенъ слить свой умъ съ предметомъ размышленiя, такъ сказать слиться съ нимъ, можетъ достигнуть этой власти.

XLI. *Кто достигъ прекращенiя измѣненiй ума, у того получается полное отождествленiе познающаго, познанiя и познаваемаго, полное поглощенiе послѣднихъ первымъ, подобно прозрачному алмазу.*

Здѣсь описанъ тотъ путь, черезъ который умъ настоящаго Iога получаетъ власть надъ природой. Когда, съ помощью подавленiя стремленiя къ измѣненiю, умъ доведенъ до требуемаго состоянiя, онъ становится безцвѣтнымъ какъ кусокъ чистаго горнаго хрусталя, и дѣлается тѣмъ, на что его устремили. Здѣсь выясняется вполнѣ выраженiе: полное поглощенiе предметомъ размышленiя. Умъ поглощается предметомъ, теряется въ предметѣ, о которомъ онъ размышляетъ, и вмѣсто него видитъ только этотъ предметъ, подобно кристаллу, поставленному на что либо цвѣтное.

Всѣ предметы въ мiрѣ могутъ быть раздѣлены на три класса по отношенiю къ познающему ихъ уму: предметъ познанiя, орудiе познанiя и познающiй. Умъ становится тѣмъ, или другимъ, или третьимъ, смотря по тому, о чемъ онъ размышляетъ. Надо замѣтить, что порядокъ этихъ трехъ классовъ не указанъ надлежащимъ образомъ въ текстѣ. Приведенное объясненiе помогаетъ намъ уяснить себѣ, какимъ образомъ Iогъ можетъ достичь чего угодно однимъ сосредоточиванiемъ.

XLII. *Разсуждающее состояніе (ума въ состояніи сосредоточиванія) есть то, которое смѣшано съ мыслями о словѣ, его значеніи и пониманіи.*

Описавъ сознательное Самадхи, авторъ опять возвращается къ его подраздѣленіямъ. Онъ дѣлитъ этотъ родъ Самадхи на два вида: Стула или грубое, и Сукшма—тонкое.

Эта глава (сутра) и слѣдующая за ней относятся къ грубому виду Сампрайната-Самадхи. Всякій предметъ носитъ названіе, имѣющее какое-нибудь значеніе, и отношеніе предмета къ своему имени понимается извѣстнымъ образомъ. Когда умъ схватываетъ слово и размышляетъ объ его значеніи, формѣ и пониманіи того и другого, и такимъ образомъ поглощается предметомъ, какъ это было описано въ аф. XLI, то это будетъ Савитарка-Самадхи.

XLIII. *Неразсуждающее состояніе ума—это то, когда присутствуетъ только значеніе, какъ бы непохожее на себя, память же отсутствуетъ.*

Это означаетъ, что когда все добыто, кромѣ идеи предмета, о которомъ размышляютъ, то наступитъ Нирвитарка-Самадхи: когда умъ не сознаетъ имени, формы, значенія и отношенія; когда въ сущности предметъ, какъ понимаемый съ помощью имени и пр., такъ сказать уничтожилъ самъ себя своею настоящею природою, (и разъ эти послѣднія отсутствуютъ),—тогда происходитъ полное поглощеніе одной данной идеей, которая и беретъ верхъ. Это достигается подавленіемъ памяти, которая обыкновенно соединяетъ идею съ ея названіемъ и пр. Это состояніе и будетъ Самадхи, безъ разсужденія.

XLIV. *Все предшествующее объясняетъ также и разсуждающее и неразсуждающее свойства, которыя относятся къ утонченнымъ элементамъ.*

Точно также, какъ оба рода аргументирующаго сосредоточиванія относятся къ грубымъ свойствамъ, такъ и два рода слѣдующихъ за разсуждающими сосредоточиваній относятся къ тонкимъ. Эти два послѣднихъ заключаютъ въ себѣ два другихъ Сананда и Сашмита.

XLV. *Область тонкаго кончается съ нерастворимымъ.*

Нерастворимое, Абинга, это то, что по словамъ Бхашія не можетъ претворяться во что-нибудь другое. Sanchya дѣлитъ всѣ элементы на четыре группы, смотря по степени ихъ претворимости одно въ другое: грубые (Bhutas), тонкіе (Tanmatras и Indriyas), разумные (mahat) и нерастворимые (Pradhâna). Надо замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся выше, увеличивается

стойкость и нерастворимость элементовъ. Хотя и существуетъ Пуруша, болѣе тонкая, чѣмъ Прадхана, однако эта послѣдняя, не будучи причиной ея, стоитъ на концѣ въ ряду группъ, претворяющихся одна въ другую. Тотъ, кто достигъ вышеназванныхъ четырехъ степеней сосредоточиванія, получаетъ власть надъ Прадханой; власть эта простирается и на самую сущность природы. Четыре степени, разсматриваемыя здѣсь, надо понимать какъ заключающія въ себѣ двѣ другія степени Samprajnata-Samâdhi, Sananda и Saimita, такъ какъ онѣ относятся къ той же группѣ предметовъ и элементовъ. Каждое изъ нихъ въ свою очередь можетъ быть раздѣлено на Савикалпа и Нирвикалпа, и потому насчитываютъ восемь видовъ сознательнаго Самадхи.

XLVI. *Всѣ они составляютъ размышленіе плодотворное.*

Смыслъ ясенъ. Такъ какъ въ этомъ родѣ Samâdhi сознаніе присутствуетъ, его называютъ плодотворнымъ, ибо оно заключаетъ въ себѣ сѣмена, изъ которыхъ послѣ ихъ пробужденія могутъ развиться разнообразныя раздѣленія Самадхи.

XLVII. *Внутреннее довольство получится, разъ будетъ достигнуто чистое неразсуждающее сосредоточиваніе.*

Послѣдняя степень Самадхи даетъ ощущеніе полнѣйшей духовности или полнаго поглощенія душою. Она ведетъ къ постоянному довольству и радости. Это называется Адхіамапразада. Когда свойства rajas и tamas будутъ, такъ сказать, совершенно уничтожены и Саттва останется одна, тогда получатся чистѣйшій свѣтъ и чистота, являющіеся результатомъ преобладанія Саттвы. Остановка превращеній ведетъ къ состоянію чистой Sattv'ы, при которой одной можно испытывать блаженство, вслѣдствіе истиннаго познанія Пуруши.

Пуруша, которая вся блаженство, вся—знаніе, вѣчно свободная, только тогда и ощущается и будетъ видима въ истинномъ своемъ видѣ. Это и есть прашада, радостное, удовлетворенное состояніе духа.

XLVIII. *Здѣсь умъ является носителемъ истины.*

Когда все, что мѣшаетъ истинному, интуитивному познанію природы, будетъ удалено, истина хлынетъ, такъ сказать, къ той точкѣ, которая такимъ образомъ готова къ ея воспріятію съ помощью простой интуиціи въ этомъ состояніи.

XLIX. *Содержаніе его отличается отъ содержанія откровенія или вывода, такъ какъ оно относится къ частностямъ.*

Какъ мы помнимъ, орудій познанія три: прямое познаніе, выводъ и свидѣтельство (иначе откровеніе, высшее свидѣтель-

ство). Знаніе, получаемое въ этомъ состояніи, относится къ первому разряду, и оно выше двухъ другихъ родовъ знанія. Откровеніе и выводъ имѣютъ дѣло только съ обобщеніями, а послѣдній еще болѣе ограниченъ, такъ какъ относится къ тому только, что доступно нашимъ чувствамъ. Знаніе, возникающее по интуиціи при состояніи Nirvichara-Samâdhi, относится къ мельчайшимъ подробностямъ и не зависитъ отъ времени и мѣста. Очевидно этотъ родъ знанія, хотя и принадлежитъ къ первому роду прямого познанія (Пратіакша), все-же отличается отъ него, такъ какъ оно относится не къ общимъ признакамъ, по которымъ обыкновенно познаются предметы, а къ отдѣльнымъ предметамъ, обладающимъ этими признаками.

Знаніе, о которомъ здѣсь говорится, не зависитъ отъ внутренняго созерцанія и внѣшнихъ признаковъ, и поэтому стоитъ выше ихъ. Нечего и говорить, что оно всегда истинно и свободно отъ ошибокъ.

I. *Впечатлѣніе отъ него замѣняетъ всѣ другія впечатлѣнія.*

Впечатлѣніе, которое этотъ родъ Самадхи производитъ на умъ, мѣшаетъ возникновенію другихъ впечатлѣній, а мы знаемъ, что послѣдняя запечатлѣнная въ умѣ истина есть ни что иное, какъ блаженное познаніе Пуруши. Умъ перестаетъ тревожно вибрировать и останавливается на этомъ одномъ переживаніи. Величайшее преимущество такого Самадхи состоитъ въ томъ, что умъ освобождается отъ всего нечистаго и, ставъ совершенно чистымъ, погружается въ Самадхи.

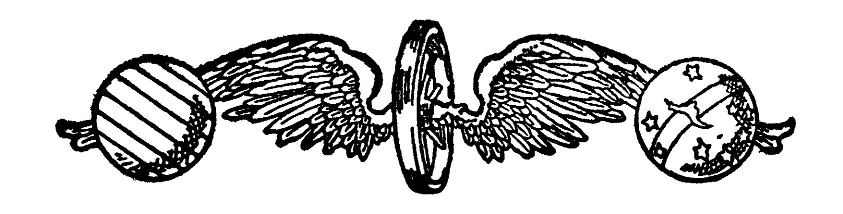
II. *Неосуществленіе чистоты становится преградой во всемъ и ведетъ лишь къ размышленію „безъ сѣмени“.*

Это было объяснено отчасти въ афоризмѣ XVIII. Сабижа-Самадхи должно быть замѣнено тѣмъ видомъ размышленія, которое является слѣдствіемъ Паравайрагіа, высшаго отреченія. Умъ, не имѣя тогда точки опоры, постепенно растворяется въ саттвѣ и Пуруша сіяетъ въ совершенствѣ блаженнаго покоя.

Пер. С. Т.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Сила мысли.

А. Безантъ.

(*Продолженіе* *).

Глава III.

Передача мысли.

Въ наши дни многіе упражняются въ передачѣ мысли и мечтаютъ о радости сообщаться съ отсутствующимъ другомъ, не прибѣгая къ помощи почты или телеграфа. Они думаютъ, что такая передача достигается безъ особаго усилія, и бываютъ очень удивлены, когда ихъ попытки въ этомъ направленіи не увѣнчиваются успѣхомъ. А между тѣмъ ясно, что надо сначала научиться думать, и затѣмъ уже передавать свои мысли,—сначала пріобрѣсти нѣкоторую способность къ устойчивому мышленію, и затѣмъ уже отсылать мысленный токъ черезъ пространство. Слабыя, неувѣренныя мысли большинства вызываютъ однѣ лишь колеблющіяся, ежеминутно появляющіяся и вновь исчезающія вибраціи въ ментальной атмосферѣ, дающія начало неопредѣленнымъ формамъ съ слабой жизненной энергіей. Мысле-образъ долженъ быть отчетливъ и достаточно интенсивенъ, чтобы его можно было отослать въ опредѣленномъ направленіи, и онъ долженъ обладать достаточной силой для того, чтобы, достигнувъ мѣста назначенія, оставить тамъ свой отпечатокъ.

Есть два способа передачи мысли; одинъ можно назвать физическимъ, а другой психическимъ: первый происходитъ при посредствѣ мозга, второй—не нуждается въ немъ. Мысль порождается сознаніемъ, возбуждаетъ вибраціи въ ментальномъ тѣлѣ, затѣмъ — въ астральномъ, а затѣмъ вызываетъ волнообразное

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г., № 7—8.

движеніе сперва въ эфирныхъ, а потомъ въ плотныхъ молекулахъ физическаго мозга; этими вибраціями мозга приводится въ колебаніе физическій эфиръ, его волны расходятся въ атмосферѣ и, достигнувъ другого мозга, производятъ вибраціи въ его плотныхъ и эфирныхъ частицахъ. Воспринимающій мозгъ производитъ съ своей стороны соотвѣтствующія вибраціи въ своемъ астральномъ, а затѣмъ и въ ментальномъ тѣлѣ, а эти послѣднія вызываютъ отвѣтное колебаніе въ сознаніи. Таковы ступени той дуги, по которой проносится мысль. Но можно обойтись и безъ этой дуги. Сознаніе человѣка можетъ, вызвавъ вибраціи въ его ментальномъ тѣлѣ, направить ихъ прямо къ ментальному тѣлу воспринимающаго сознанія и такимъ образомъ избѣгнуть описаннаго пути.

Разсмотримъ, что происходитъ въ первомъ случаѣ.

Существуетъ въ мозгу маленькій органъ, мозговая желѣзка, назначеніе которой неизвѣстно физіологамъ Запада; западные психологи совершенно игнорируютъ ее. У большинства людей этотъ органъ до сихъ поръ въ зачаточномъ состояніи, но онъ развивается, а не атрофируется, и есть возможность ускорить развитіе этой мозговой желѣзки, чтобы она могла выполнять присущую ей функцію, функцію, которая со временемъ будетъ достояніемъ всѣхъ людей. Эта мозговая желѣзка—органъ передачи мысли, въ такой же степени, какъ глазъ—органъ зрѣнія или ухо—органъ слуха.

Если кто-либо будетъ напряженно думать о какой-нибудь идеѣ, съ сосредоточеннымъ и неослабнымъ вниманіемъ, онъ замѣтитъ въ своей мозговой желѣзкѣ легкій трепетъ или ощущеніе ползанія, подобное ползанію муравья. Трепетъ этотъ возникаетъ въ эфирѣ, проникающемъ желѣзку, и вызываетъ легкій магнетическій токъ, который и даетъ ощущеніе ползанія въ плотныхъ молекулахъ мозговой желѣзки. Если мысль будетъ достаточно сильна, чтобы вызвать этотъ токъ, это будетъ указаніемъ, что мыслитель довелъ свою мысль до такой остроты и силы, которая дѣлаетъ ее способной къ передачѣ.

Вибраціи въ эфирѣ мозговой желѣзки вызываютъ въ окружающемъ эфирѣ волны, подобныя свѣтовымъ волнамъ, только гораздо меньшаго размѣра и болѣе быстраго тэмпа. Вибраціи эти распространяются по всѣмъ направленіямъ, приводя въ движеніе эфиръ, и вызывая въ свою очередь колебанія въ эфирѣ мозговой желѣзки другого мозга, и отсюда уже передаются въ правильной послѣдовательности сперва астральному, затѣмъ ментальному тѣлу, послѣ чего достигаютъ сознанія. Если эта другая мозговая же-

лѣзка не въ состояніи воспроизводить однородныхъ колебаній, то посланная мысль пронесется, не оставивъ никакого впечатлѣнія; такъ же, какъ и волны свѣта не произведутъ никакого впечатлѣнія на глаза слѣпого.

Второй способъ передачи мысли состоитъ въ томъ, что мыслитель создаетъ мысле-образъ на планѣ мысли и отсылаетъ ее не къ мозгу, а непосредственно къ самому мыслителю на ментальный планъ. Способность выполнять это сознательно требуетъ еще болѣе высокаго умственнаго развитія, чѣмъ физическій способъ передачи мысли, ибо отсылающій мысль долженъ обладать самосознаніемъ на ментальномъ планѣ, чтобы выполнить такую передачу мысли.

Между тѣмъ, этой силой всѣ мы пользуемся постоянно, только невольно и безсознательно, такъ какъ каждая наша мысль производитъ колебанія въ ментальномъ тѣлѣ, которыя по самой природѣ своей должны распространяться въ окружающей ментальной субстанціи. И нѣтъ основанія ограничивать понятіе „передача мысли“ одной лишь сознательной и преднамѣренной передачей извѣстной мысли однимъ лицомъ другому. Мы всѣ постоянно вліяемъ другъ на друга посредствомъ этихъ, безъ опредѣленнаго намѣренія высылаемыхъ волнъ мысли, и то, что называется „общественнымъ мнѣніемъ“ создается, по большей части, именно этимъ путемъ. Большинство людей думаютъ извѣстнымъ образомъ не потому, что они основательно обдумали данный вопросъ и пришли къ опредѣленному заключенію, но только потому, что огромное большинство думаетъ такимъ образомъ и увлекаетъ за собой остальныхъ. Сильная мысль великаго мыслителя выбрасывается въ міръ мысли (на ментальный планъ) и схватывается воспріимчивыми и подготовленными умами. Они воспроизводятъ ея вибраціи и такимъ образомъ усиливаютъ волну мысли, дѣйствуя на другихъ, которые иначе остались бы нечувствительными къ первоначальной мысли. Эти послѣдніе, отвѣчая отвѣтными вибраціями, увеличиваютъ силу волны настолько, что она начинаетъ дѣйствовать и на большія массы.

Общественное мнѣніе, разъ созданное, имѣетъ первенствующее значеніе для громаднаго большинства благодаря тому, что однородныя мысле-волны мысли бьютъ безпрерывно на мозги всѣхъ и пробуждаютъ въ нихъ отвѣтныя колебанія.

Существуетъ также и національный складъ мысли, который можно сравнить съ глубоко прорѣзанными каналами мысли, образовавшимися благодаря вѣковымъ воспроизведеніямъ однород-

ныхъ мыслей, соотвѣтствующихъ исторіи, войнамъ и обычаямъ націи. Они сильно видоизмѣняютъ умы, рожденные въ данной націи, окрашивая ихъ извѣстнымъ образомъ, и все, что приходитъ къ нимъ извнѣ, измѣняется подъ вліяніемъ особаго, этой націи присущаго характера вибрацій. Какъ мысли, приходящія къ намъ изъ внѣшняго міра, измѣняются подъ вліяніемъ нашихъ ментальныхъ тѣлъ настолько, что мы получаемъ не только вибраціи этихъ чужихъ мыслей, но вмѣстѣ съ ними и наши собственныя вибраціи, — такъ и народы, получая впечатлѣнія отъ другихъ народовъ, воспринимаютъ ихъ уже видоизмѣненными подъ вліяніемъ своихъ собственныхъ характерныхъ вибрацій. Отъ этого и происходитъ, что Англичанинъ и Французъ, или Англичанинъ и Буръ, разсматривая одни и тѣ же факты, но прибавляя къ нимъ свои уже существующія предубѣжденія, совершенно искренно обвиняютъ другъ друга въ искаженіи фактовъ и въ нечестномъ образѣ дѣйствія. Если бы это неизбѣжное явленіе было признано, много международныхъ споровъ было бы улажено гораздо легче, чѣмъ это дѣлается теперь, многихъ войнъ не возникало бы совсѣмъ, а тѣ, которыя уже возникли, кончались бы гораздо скорѣй. Каждый народъ признавалъ бы то, что можно назвать „личное уравненіе“ и вмѣсто того, чтобы осуждать другой народъ, стремился бы при несогласіи мнѣній найти ту золотую середину, которая примирила бы несогласіе, и не настаивалъ бы на своей исключительной правотѣ.

Чрезвычайно важный вопросъ, возникающій для каждаго, знающаго объ этой постоянной и всеобщей передачи мысли, слѣдующій: Въ какой степени могу я извлечь добро и избѣжать зла, живя въ этой смѣшанной атмосферѣ, гдѣ и хорошія, и дурныя волны мыслей не перестаютъ дѣйствовать и вліять на мой мозгъ? Какъ могу я предохранить себя отъ вредныхъ мыслей, и какимъ образомъ могу воспользоваться благими мыслями? Большое жизненное значеніе имѣетъ знаніе того способа, какимъ происходитъ процессъ подобнаго подбора мыслей.

Каждый человѣкъ болѣе всѣхъ другихъ дѣйствуетъ самъ на свое ментальное тѣло. Другіе дѣйствуютъ на него случайно, онъ же—всегда. Ораторъ, котораго онъ слушаетъ, авторъ, книгу котораго онъ читаетъ, несомнѣнно дѣйствуютъ на его ментальное тѣло, но они—случайныя явленія въ его жизни, тогда какъ онъ самъ—источникъ постояннаго воздѣйствія на себя самого. Его собственное вліяніе на образованіе ментальнаго тѣла гораздо сильнѣе всѣхъ остальныхъ вліяній, и никто, кромѣ него самого, не уста-

навливаетъ нормальной скорости вибрацій для его мыслей. Мысли, не соотвѣтствующія быстротѣ его вибрацій, будутъ отброшены, когда соприкоснутся съ его умомъ.

Если человѣкъ мыслитъ правдиво, ложь не можетъ установиться въ его умѣ, если его мысли полны любви—ненависть не можетъ потревожить его; если онъ мудръ—невѣжество не можетъ повліять на него. Только въ этомъ—спасеніе, только въ этомъ истинная сила. Нельзя допускать, чтобы умъ уподоблялся незасѣянной нивѣ, потому что тогда всякія сѣмена мысли могутъ пустить въ ней корни и произрастать; и не слѣдуетъ дозволять ему вибрировать, какъ ему вздумается, ибо въ такомъ случаѣ онъ будетъ отвѣчать на каждую мимо-проносящуюся вибрацію.

Въ этомъ заключается практическій урокъ. Тотъ, кто станетъ его примѣнять, вскорѣ оцѣнитъ все значеніе его, и убѣдится, что благородное мышленіе дѣлаетъ жизнь и благороднѣе, и счастливѣе, и что мудрость въ состояніи на самомъ дѣлѣ положить конецъ страданіямъ.

Пер. **Н. Т.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

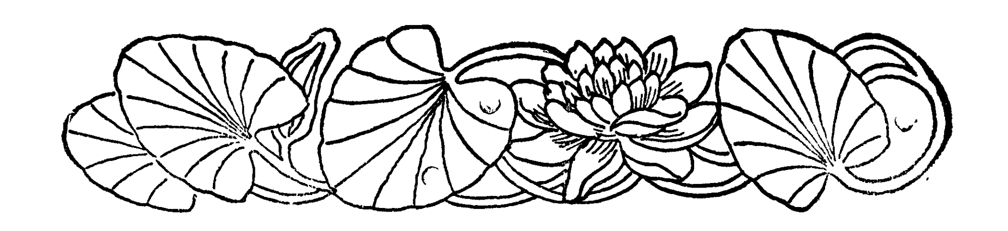

Какъ только Тао сталъ проявляться въ бытіи, онъ получилъ имя.

Тао прикровенно, и ему нѣтъ имени.
Но Тао велико въ воздѣйствіи и совершеніи.

Тао прибѣжище всѣхъ существъ:
Сокровище добродѣтельнаго
И спасеніе злого.

(Изреченія изъ Лао-Тзе).

Письмо Л. Н. Толстого Н. С. Кашкину *).

Любезный другъ,

Николай Сергѣевичъ!

Письмо твое очень порадовало меня и тѣмъ, что это даетъ намъ случай вспомнить другъ о другѣ, и тѣми хорошими мыслями, которыя ты высказываешь г-ну Z. *). Я нѣсколько разъ уже читалъ вслухъ моимъ знакомымъ твое письмо въ поученіе и напоминаніе о томъ, чѣмъ было русское общество 40 лѣтъ тому назадъ, воспитавшее людей нашего поколѣнія. Г-на же Z. мнѣ было жаль: ты уже слишкомъ строгъ къ нему. Какъ бы я радъ былъ встрѣтиться съ тобой еще въ этой жизни. Можетъ быть и удастся, если мы постараемся. Если же нѣтъ, то до свиданія, *тамъ*. Я смѣло даю rendez vous *тамъ* всѣмъ тѣмъ, которые вѣрятъ въ это *тамъ*, а ты, навѣрно, принадлежишь къ такимъ людямъ. А такъ какъ я ужъ очень близокъ къ этому переходу, то для меня естественнѣе давать это rendes vous *тамъ*, чѣмъ гдѣ нибудь у Dussaux.

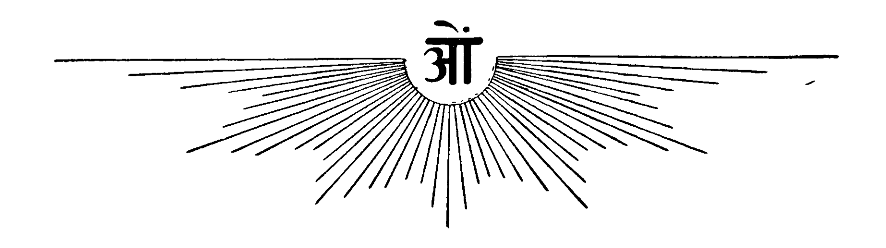
Дружески жму тебѣ руку и прошу любить любящаго тебя Л. Толстого.

18 августа 1894 г.

---

*) Письмо это сообщено намъ для напечатанья въ „Вѣстникѣ“ Николаемъ Сергѣевичемъ Кашкинымъ. Онъ былъ сосланъ въ 1849 году рядовымъ на Кавказъ по дѣлу Петрашевскаго, и встрѣтилъ Л. Н. Толстого въ Желѣзноводскѣ на водахъ въ 1853 г., когда Левъ Николаевичъ былъ юнкеромъ. Оба были произведены одновременно въ офицеры. Постоянно видѣлись въ Москвѣ въ 1856 и 1857 гг., бывали вмѣстѣ на балахъ и часто обѣдали одновременно у Дюссо.

**) Н. С. Кашкинъ послалъ Льву Николаевичу копію своего письма къ общему знакомому.

Изъ міра святыхъ преданій.

О св. Катеринѣ Сіенской *).

Катерина—грѣховныхъ *цѣпей разрушеніе* **)—да исполнится молитва ея предъ Богомъ: станетъ она покровомъ надъ жерломъ ада и, по волѣ ея, не ввергнется туда душа ни единая. Слава ея неугасима предъ Богомъ, неувядаема въ сердцахъ людей, куда, какъ зерна на добрую почву, падутъ слова святой легенды о ней.

Сохранилась намъ повѣсть о томъ, какъ еще въ дѣтствѣ грезились ей на яву дивныя видѣнія, слышалось пѣніе ангельскихъ хоровъ, какъ порхала надъ нею во время молитвы бѣлая голубка, знаменуя непорочную ея душу, какъ обручила ее Пресвятая Дѣва со сладостнымъ Сыномъ своимъ, и всю жизнь этотъ перстень пребывалъ на рукѣ св. Катерины, видимый лишь ея чистому взору. Какъ, наконецъ, вѣрная небесному Обручнику своему и по наущенію Духа Святого, рѣшила благословенная дѣва построить келью, откуда никто бы не могъ изъять ее, и воздвигла ту келью въ душѣ своей, гдѣ, какъ въ крѣпкомъ затворѣ, и рѣшила обитать постоянно.

То голосъ Жениха небеснаго въ бесѣдѣ съ возлюбленною невѣстой Своей, молвитъ въ пѣсняхъ Соломоновыхъ: „Отопри Мнѣ, сестра Моя, подруга Моя и голубка Моя"...

И посѣщалъ Господь ея святую душу чудесными видѣньями и небесными утѣхами.

Однажды, когда молилась она объ изъятіи сердца своего, прося съ Псалмопѣвцемъ, да будетъ создано въ ней непорочное

---

*) Изъ книги: Leggenda minore di S. Caterina da Siena (secolo XIV) (Collezione di opere ined. o rare. Bologna, 1868).

**) Причудливый духъ Средневѣковья сопоставилъ имя Caterina со словами: catene—цѣпи и ruina—разрушеніе.

сердце, явился Іисусъ Христосъ благословенный, и, открывъ ея грудь слѣва, мнилось дѣвѣ, исторгъ ея сердце. Когда же, черезъ нѣсколько дней, вновь къ ней явился, въ озареніи чуднаго свѣта, поникла она на землю. Господь же, приблизившись къ ней, какъ и прежде, открылъ ея грудь и вложилъ туда багряное и сверкающее сердце и сказалъ: „Вотъ, Катерина, возлюбленное дитя мое, какъ на-дняхъ исторгнулъ Я твое сердце, такъ теперь даю тебѣ сердце Мое, съ нимъ же и будешь ты жить всегда". И сказавъ такъ, закрылъ и исцѣлилъ ея грудь. Явнымъ же знаменіемъ этого чуда остался рубецъ на излеченномъ мѣстѣ. И съ тѣхъ поръ не могла уже говорить на молитвѣ, какъ прежде: „Вручаю Тебѣ мое сердце", но принуждена была всегда говорить: „Господи, вручаю Тебѣ сердце Твое"...

И молилась Богу, да лишитъ ее всякой личной воли и возмѣститъ ея волю Своею, и отвѣтилъ Господь: „Вотъ, любимая дочь, облекаю тебя волею Моею: въ ней же и пребудешь такъ незыблемо и постоянно, что въ грядущемъ, что бы съ тобою ни случилось, останешься тверда во Мнѣ, безъ колебанія и тревоги". Что и видимъ мы въ благочестивыхъ ея дѣяніяхъ.

А въ день св. Агапита, причащаясь и говоря: „Господи, недостойна я, чтобы вступилъ Ты въ мое тѣло", услышала голосъ явно: „Я же достоинъ, чтобы ты вступила въ Меня". И по причащеніи почудилось ей, что, какъ рыба проникаетъ въ воду и вода въ рыбу, такъ душа ея погрузилась въ Бога и Богъ въ нее.

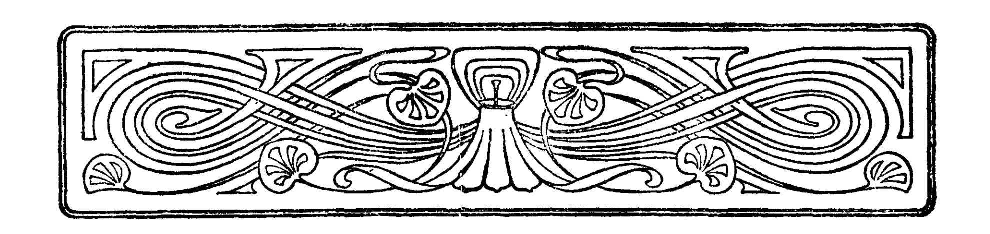
И подобно тому, какъ при накопленіи дерева разгорается огонь вещественный, такъ отъ пріумноженія благодати возрастаетъ огонь любви. И было въ сердцѣ дѣвы столько нѣжнаго, любовнаго пыла къ вѣчному Жениху, что не могло оно сохраниться нерушимо; и стало для него неизбѣжнымъ раскрыться и растаять; что и сбылось на дѣлѣ: какъ въ броженіи крѣпкое вино, заключенное въ хрупкомъ сосудѣ, расторгаетъ его силой своею, такъ случилось и съ сердцемъ ея, ибо прервались жизненныя связи, и дѣва испустила духъ силою любви. Но хоть и жаждала душа ея соединенья съ Небеснымъ Женихомъ, не исполнилось еще время, и черезъ 3 дня, съ плачемъ и скорбью, вернулась душа ея въ тѣло, да пріумножится слава Господня чрезъ святые подвиги ея.

Случилось однажды въ Сіенѣ, что нѣкій благородный юноша изъ Перуджіи, по имени Никколо ди Тольдо, неосторожно сказаннымъ словомъ задѣлъ Государство и былъ приговоренъ къ

обезглавленію. И такъ какъ казалось это ему величайшей несправедливостью, то метался онъ по тюрьмѣ въ отчаяніи, не желая ни исповѣдаться, ни внимать брату, либо священнику, который бы говорилъ ему слова о спасеніи. И послано было, наконецъ, за св. Катериной, которая съ величайшимъ милосердіемъ пошла навѣстить его въ тюрьмѣ. И таково было дѣйствіе Духа Святого, обитавшаго въ ней, что, какъ только онъ увидалъ ее и услышалъ отъ нея нѣсколько словъ ободренія, тотчасъ исповѣдался съ чудеснымъ сокрушеніемъ и благочестіемъ. Потомъ сказалъ св. дѣвѣ: „Если окажете вы мнѣ одну милость, умру я болѣе утѣшеннымъ, нежели бывалъ когда нибудь: присутствуйте завтра утромъ, когда меня обезглавятъ". И когда обѣщала ему дѣва исполнить это, воздѣлъ онъ руки къ небу и возблагодарилъ Бога, говоря: „Тысячею лѣтъ кажется мнѣ время до отшествія на этотъ бракъ, ибо услада души моей обѣщала меня сопровождать". Заблаговременно, какъ обѣщала, пошла св. дѣва на мѣсто казни, творя за него особое моленіе; и было ей дано завѣреніе въ спасеніи его. Затѣмъ приведенъ былъ, словно кроткій агнецъ, названный Никколо, который, увидѣвъ дѣву, сталъ радостнымъ и веселымъ; и, ободряемый дѣвою, сказалъ: „Я болѣе утѣшенъ и радъ, чѣмъ когда либо". И со святою покорностью положилъ голову на плаху, съ веселіемъ повторяя безпрестанно: „Іисусе, Марія и Катерина". Затѣмъ, святыми руками своими поддерживала и приняла дѣва его голову, очи свои все время вперяя въ небо, не опуская и не смыкая ихъ, такъ что всѣ тому удивлялись. Она же говорила потомъ исповѣднику своему и намъ прочимъ, что хотя и было тамъ великое множество народа, не видала она никого. Но прекрасно видѣла Іисуса Христа благословленнаго, Который, во имя пресвятого страданія Своего, принялъ неправедно пролитую кровь этого агнца, волю свою согласовавшаго во всемъ съ волею Божіею въ терпѣливомъ перенесеніи муки. И тотчасъ же возвелъ ту благословенную душу въ вѣчное Царство. И та, прежде чѣмъ войти туда, обернулась назадъ и склонилась предъ дѣвою въ знакъ благодаренія. Объ этомъ имѣемъ мы свидѣтельство прекрасныхъ писаній...

Несчетны и многообразны звѣздные лики на небѣ, а на землѣ подвиги св. обручницы Христовой Катерины. Слава ея неугасима предъ Богомъ, неувядаема въ сердцахъ людей, куда, какъ зерна на добрую почву, падутъ слова святой легенды о ней.

А. В.

Религія и Музыка.

(Лекція **А. Безантъ**, прочитанная въ Мадрасѣ 7 марта 1908 г.).

Друзья! Вы просили меня бесѣдовать съ вами сегодня по вопросу, котораго я еще не касалась, о „религіи и музыкѣ“. Что касается музыки, я не буду говорить объ ней какъ могъ бы говорить спеціалистъ этого прекраснаго, царственнаго искусства, хотя, какъ и большинство культурныхъ женщинъ моей расы, я съ дѣтства изучала до нѣкоторой степени музыку и принадлежу къ семьѣ, нѣкоторые члены которой были знатоками музыки. Но моя бурная и трудная жизнь не дала мнѣ возможности изучить это искусство, которое въ то же время можно считать и наукой. Чтобы быть мастеромъ въ музыкѣ, и въ теоріи и въ исполненіи, надо отдать ей всю свою жизнь, а моя жизнь была посвящена инымъ цѣлямъ, инымъ задачамъ. Музыка есть поистинѣ выраженіе Божественной Красоты и она достойна, чтобы ей посвятить цѣлую жизнь. Хотя я и поклоняюсь всему прекрасному, но въ этой краткой бесѣдѣ я буду разсматривать музыку не съ точки зрѣнія артиста, а съ точки зрѣнія оккультиста, и я попрошу васъ сегодня стать именно на эту точку зрѣнія, какъ бы она ни была чужда для васъ.

„Почему музыка имѣетъ такое сильное вліяніе на страсти и эмоціи человѣка? Почему религія находила постоянно въ музыкѣ одну изъ своихъ самыхъ сильныхъ пособницъ, одно изъ своихъ высочайшихъ вдохновеній? Почему даже въ наиболѣе интеллектуальные религіозные моменты, какъ напримѣръ во время медитаціи, музыка,—которая обращается собственно говоря къ міру чувствъ—оказывается все же полезной? Повидимому она помогаетъ уму подняться съ физическаго плана и содѣйствуетъ его

воспаренію въ высшія области сознанія. Мы встрѣчаемся во всѣхъ религіяхъ съ этимъ вліяніемъ музыки.

Гдѣ бы вамъ ни пришлось путешествовать, на Востокѣ или на Западѣ, вездѣ вы увидите одно и тоже: вездѣ музыка составляетъ существенную часть религіозныхъ церемоній и богослуженій. Но на Западѣ музыка направилась по линіямъ инымъ, чѣмъ на Востокѣ; она стала дѣйствовать на страсти и чувства больше, чѣмъ на истинно духовную человѣческую природу, и тѣмъ не менѣе она играетъ преобладающую роль въ самыхъ высокихъ религіозныхъ обрядахъ западныхъ церквей. Надо замѣтить, что въ „обѣднѣ“, этомъ центральномъ актѣ христіанскаго богослуженія, нѣкоторыя изъ исполняемыхъ каденцій сохранились отъ глубочайшей древности. Я не говорю о великолѣпной современной музыкѣ, которою великіе музыканты украсили христіанскіе церковные ритуалы; я подразумѣваю старинный „Plein Chant“, сильныя, глубокія ноты котораго сохранились съ незапамятныхъ временъ въ нѣкоторыхъ русскихъ священныхъ напѣвахъ, также какъ и въ греческой церкви. Существуютъ, какъ я слышала, каденціи, которыя были заимствованы отъ Евреевъ, и если вы спросите Евреевъ, откуда у нихъ эти каденціи, они отвѣтятъ, что напѣвы эти существовали съ самыхъ первыхъ дней жизни ихъ расы, и что знаніе ихъ сохранялось въ одной извѣстной семьѣ изъ колѣна Левія, которая получила ихъ отъ первыхъ пророковъ ихъ племени, великихъ провидцевъ и знатоковъ божественнаго знанія; они прибавляютъ къ этому, что есть нѣкоторыя каденціи—самыя драгоцѣнныя изъ всѣхъ—которыя никогда не могутъ выйти за предѣлы этой семьи и которыя изрѣдка исполняются, и то только въ религіозныхъ церемоніяхъ особой важности, членами этой семьи, знающими тайну ихъ особыхъ интонацій. Это настоящія мантры на древне-еврейскомъ языкѣ и онѣ сохранились изъ глубокой старины, такъ какъ еврейскій народъ былъ однимъ изъ самыхъ древнихъ цивилизованныхъ народовъ. Можно было бы прослѣдить его древность до такого далекаго прошлаго, въ сравненіи съ которымъ даты его священныхъ писаній—даты вчерашняго дня. Задолго до временъ, упоминаемыхъ въ этихъ писаніяхъ, Евреи составляли семью той древней расы, которая такъ сильно вліяла на Персію въ тѣ дни, когда Персія исповѣдывала религію Ирана. Евреи уже существовали и тогда, и еще гораздо ранѣе; существованіе ихъ можно прослѣдить до той эпохи, когда тамъ, гдѣ теперь колышатся волны Атлантическаго океана, простирался обширный континентъ. Въ эти отдаленныя времена Атлантиды возникла Еврейская раса;

отчизной ея была древняя Атлантида, и тамъ же вы найдете родину тѣхъ странныхъ сочетаній музыкальныхъ нотъ, которыя производятъ такое необыкновенное дѣйствіе на физическія тѣла слушателей. Они потрясаютъ все существо человѣка, пробуждая сильную и почти не поддающуюся контролю эмоцію. Я слышала, что другимъ народомъ, обладающимъ знаніемъ этихъ особенныхъ каденцій, являются древніе Китайцы; это также народъ, имѣющій за собой неизмѣримое прошлое и, подобно Евреямъ, происходящій отъ четвертой коренной расы. Современная Китайская музыка имѣетъ много особенностей, но совершенно иныхъ. Китайцы производятъ ее не только пальцами, какъ на „томъ—томѣ", или дыханіемъ, какъ на флейтѣ и на другихъ духовыхъ инструментахъ, но они употребляютъ также инструменты, которые состоятъ изъ двухъ частей—какъ смычекъ и скрипка—сдѣланныхъ изъ одинаковаго матеріала; это нѣчто вродѣ деревянной скрипки безъ всякихъ струнъ, по которой играютъ деревяннымъ же смычкомъ безъ волоса, или подобный же инструментъ изъ металла съ металлическимъ смычкомъ. Вы можете подумать, что изъ такихъ инструментовъ нельзя добыть ничего, кромѣ хрипа, скрипа и свиста, но увѣряю васъ, что это не такъ. Однажды, когда я была въ Калифорніи въ Санъ-Франциско, меня пригласили въ китайскій театръ, гдѣ очень хорошая китайская труппа представляла драму. Помѣстить зрителя на самой сценѣ, считается въ китайскомъ театрѣ знакомъ большого почтенія, и насъ туда и повели. Для наблюдателя положеніе это имѣетъ то преимущество, что ему видна и драма, и впечатлѣніе, которое она производитъ на зрителей. Никогда не забуду я этого огромнаго театра, съ снизу до верху биткомъ набитаго напряженными китайскими лицами, слѣдящими съ глубокимъ интересомъ за представленіемъ. Здѣсь я имѣла случай близко разсмотрѣть эти странные инструменты, на которыхъ играютъ деревомъ по дереву и металломъ по металлу. Странные и волшебные были звуки. Когда во время представленія исполнялась сцена насилія, бряцаніе и трескъ этихъ инструментовъ производили особенное вліяніе на зрителей, и можно было видѣть, какъ волна содроганія пробѣгала по внимательнымъ лицамъ. Какимъ-то кошмаромъ казалось это море лицъ, находившихся подъ вліяніемъ столь странныхъ и потрясающихъ звуковъ. На меня они производили впечатлѣніе тревоги, какъ бы физической тоски и разстройства, которыхъ никогда не вызывала во мнѣ никакая другая музыка. Нельзя сказать, чтобы звуки эти были слишкомъ шумны; сильный ударъ „Арати" даетъ гораздо больше

звука, если позволено будетъ назвать это звукомъ. Это же было нѣчто острое, раздирательное. Хотя ноты и были музыкальны, полны и сильны, но казалось, что онѣ проникаютъ въ тѣло и разрываются въ немъ; это были, если можно такъ выразиться, разрывныя бомбы звука.

Какъ въ Китайской и Еврейской музыкѣ, такъ и въ Индусской, интервалы между нотами гораздо меньше, чѣмъ въ западной музыкѣ; хроматическая гамма на Западѣ заключается вся въ предѣлахъ фортепьянной клавіатуры, на Востокѣ же—есть еще много промежуточныхъ нотъ, и эти ступени такъ тѣсны, что не могутъ быть различимы для западнаго слуха, пока онъ не достаточно разовьется, чтобы слышать ихъ; вотъ почему западные чужестранцы часто обвиняютъ индусскихъ музыкантовъ въ томъ, что они „безцвѣтны“, что они „фальшивятъ“, между тѣмъ какъ эти же музыканты вызываютъ трепетъ восторга среди своихъ соотечественниковъ тѣми чрезвычайно тонкими дѣленіями звука, которыя производятся искусснымъ голосомъ или пальцами артиста. Индусскій слухъ, путемъ долгой наслѣдственности, развился до возможности оцѣнить эти тонкія дѣленія звука, также какъ глазъ кашмирскаго или персидскаго ткача различаетъ оттѣнки красокъ, недоступные для другихъ глазъ. Я полагаю, что индусское ухо и сдѣлалось благодаря этому болѣе тонкимъ воспріемникомъ звука, чѣмъ европейское, и возможно, что ясновидящее изслѣдованіе нашло бы его и болѣе тонко спеціализированнымъ.

Есть еще другая существенная разница между восточной и западной музыкой; восточная музыка представляетъ послѣдовательность звуковъ, *мелодію*, тогда какъ западная музыка состоитъ изъ нотъ, взятыхъ единовременно и составляющихъ *гармонію*. Первая, по мѣрѣ того, какъ она разростается, даетъ все болѣе тонкія дѣленія, становится все эфирнѣе и неуловимѣе; другая же, разростаясь, становится все массивнѣе и все роскошнѣе въ сложности своихъ сливающихся звуковъ. Гармонія для западнаго слуха великая вдохновительница чувствъ, она создается соединеніемъ многихъ нотъ, звучащихъ единовременно и составляющихъ аккорды, которые находятся во взаимномъ сродствѣ, опредѣляемомъ самыми строгими правилами. Гармонія есть наука, и трудная наука, и чтобы быть мастеромъ въ гармоніи, человѣкъ долженъ знать соотношеніе каждой ноты съ другими нотами и долженъ умѣть соединять ихъ такимъ образомъ, чтобы слухъ былъ вполнѣ удовлетворенъ общей сложной массой звуковъ. Если вводится диссонансъ, какъ это дѣлается для того, чтобы обогатить гармонію,

онъ всегда долженъ быть разрѣшенъ такъ, чтобы, за мгновеннымъ потрясеніемъ слуха, слѣдовало еще большее утонченное наслажденіе. Иногда двѣ ноты, взятыя единовременно и отдѣльно отъ другихъ, могутъ заставить заткнуть уши, но умѣло расположенныя въ сочетаніи съ другими нотами, онѣ уже доставляютъ удовольствіе. Диссонансъ никогда не долженъ заканчивать фразу, и долженъ быть разрѣшенъ въ консонирующій аккордъ, возбуждающій новое чувство радости.

Мы видимъ, что природа, въ созиданіи своей музыки, хорошо понимаетъ цѣну диссонанса и всегда въ концѣ концовъ разрѣшаетъ его въ совершенное трезвучіе. Хотя человѣческая природа есть проявленіе высшее, чѣмъ животная природа, но мы видимъ въ началѣ такой безпорядокъ въ ней, какой среди животныхъ не встрѣчается. Растущая воля человѣка вводитъ шумъ и дисгармонію въ гармонію природы, проявляясь агрессивно и вызывающе по отношенію къ общему порядку. Но изъ этихъ бурныхъ вихрей сталкивающихся человѣческихъ воль со временемъ возникнетъ могучее теченіе объединенныхъ человѣческихъ воль, дѣйствующихъ въ гармоніи съ Божественной Волей; и изъ человѣческихъ диссонансовъ создается нота, болѣе богатая, болѣе полная, чѣмъ всѣ созвучія, производимыя нечеловѣческой природой.

На Западѣ, можетъ быть потому, что тамъ люди болѣе воинственны и безпокойны, болѣе своевольны и агрессивны, эти мятежныя качества отражаются и на музыкѣ и въ ней встрѣчаются цѣлыя Ніагары звуковъ, водовороты и стремнины аккордовъ, цѣлыя бури громовыхъ инструментальныхъ ударовъ, и наконецъ, когда уже дыханіе захватило отъ этихъ стремительныхъ звуковыхъ волнъ, тебя вдругъ, еще трепещущаго, выбрасываютъ въ цвѣтущую долину покоя, гдѣ небесная мелодія, очаровательная и сладостная, дышетъ такой нѣжной и ясной гармоніей, какую не знаетъ восточная музыка.

Въ западной музыкѣ есть еще и другая сторона, которую надо отмѣтить: она пробуждаетъ страсти, иногда овладѣваетъ интеллектомъ, но не затрагиваетъ духовныхъ нотъ, которыя иногда заставляютъ трепетать нервы радостью, соприкасающейся по своей глубинѣ со страданіемъ, при звукахъ индусской музыки. И я иногда замѣчала, что даже тамъ, гдѣ индусская музыка призываетъ къ страстной любви, даже въ своихъ любовныхъ пѣсняхъ она стремится перейти отъ страстнаго къ эмоціональному, отъ грубыхъ формъ къ болѣе тонкимъ формамъ господствующаго желанія.

Эта музыка выражаетъ самые нѣжные оттѣнки любви, затрагиваетъ самыя тонкія струны, неудовлетворенную тоску, вѣчно обманутое стремленіе къ полному единенію; это уже не есть призывъ къ страсти, а скорѣе поднятіе страсти до утонченной и очищенной эмоціи и вознесеніе послѣдней въ тѣ области, гдѣ Духъ является любящимъ, а Богъ—предметомъ любви.

Какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ хорошо извѣстно примѣненіе музыки для пробужденія страсти на войнѣ. Мы читаемъ въ Bhagavad-Gita о рогѣ, употребляемомъ предводителями великой битвы, которые заставляли его звучать подобно рыканію льва, и о томъ, какъ эти могучія ноты воодушевляли сражающихся, разносясь перекрестными вызовами и отвѣтами среди собравшейся боевой рати. Я не знаю, часто ли за послѣднее время употреблялась на Востокѣ музыка—во время войны, чтобы пробуждать въ людяхъ злыя страсти; но въ Европѣ музыкой постоянно пользуются для того, чтобы во время войны побуждать людей къ отчаяннымъ подвигамъ, вызывая въ нихъ нервный подъемъ съ помощью военной музыки. Если вамъ не случалось самимъ видѣть шотландскихъ горцевъ, вы вѣроятно слышали объ ихъ горной волынкѣ. Волынка эта издаетъ своеобразный, долгій, жужжащій и трепещущій звукъ, который похожъ на низкую ноту *вины* *), но совершенно другого характера. Сливаясь съ этой непрерывающейся и все покрывающей нотой и переплетаясь съ ней, льется во время войны навстрѣчу пулямъ и ядрамъ потокъ звуковъ, какая-то смѣсь вопящихъ, визжащихъ, воющихъ и выкрикивающихъ нотъ, раздирающихъ уши, но пробуждающихъ страсти. Рядомъ съ наступающими солдатами, или позади нихъ, идутъ волынщики съ своими горными волынками, звуки которыхъ несутся надъ бряцаніемъ оружія и надъ топотомъ конницы. И тамъ, гдѣ слышны звуки боевой волынки, тамъ люди идутъ на смерть съ пылающей кровью, съ бьющимися въ отвѣтъ на ея звуки сердцами. Иногда волынщикомъ бываетъ мальчикъ, недостаточно взрослый, чтобы сражаться, но довольно сильный, чтобы трубить; и какъ гордъ бываетъ этотъ маленькій волынщикъ, когда онъ идетъ въ сраженіе и заставляетъ звучать надъ головами старшихъ боевой призывъ, который такъ знакомъ каждому Шотландцу. Вы, можетъ быть, читали патетическую исторію, бывшую во время южно-африканской войны, когда шестнадцати-лѣтній мальчикъ, тяжело раненый, съ перебитыми

---

*) Индусскій струнный инструментъ вродѣ лютни.

ногами, просилъ своихъ товарищей прислонить его къ скалѣ и въ предсмертной агоніи звуками своей боевой волынки посылалъ свой полкъ къ побѣдѣ. Эти волынки возбуждаютъ въ шотландскихъ горцахъ самую неудержимую храбрость, такъ могущественно вліяніе этой музыки на ихъ страсти.

Но оставимъ военную музыку и перейдемъ на одну минуту къ вліянію музыки на другую страсть, половую, которая въ своей высшей формѣ, утонченной до эмоціи, переходитъ въ любовь между мужчиной и женщиной. Какъ неистово бываетъ бѣшенство во время сраженія, также несложны, широки, массивны эти могучіе взрывы животной страсти. Во многихъ операхъ на Западѣ, музыка является выразительницей и вдохновительницей этой страсти; въ каждой изъ нихъ встрѣчаются пѣсни любви, однѣ грубѣе, другія тоньше, но всѣ возбуждающія страсть, а не эмоцію. Если вы станете наблюдать дѣйствіе такой музыки на публику, вы увидите, что всегда нѣкоторое возбужденіе начинаетъ волновать кровь, щеки пылаютъ, глаза блестятъ, у многихъ появляется дрожь. Совершенно вѣрно думаютъ тѣ, которые считаютъ, что неразумно возить молодежь въ оперу, которая такъ сильно возбуждаетъ страсти безъ вѣдома и воли слушающихъ. Благоразумные отцы и матери оберегаютъ юношей и молодыхъ дѣвушекъ отъ оперъ, въ которыхъ любовь трактуется какъ страсть, потому что такая музыка, пробуждая страстную природу, можетъ вызвать преждевременное развитіе половой жизни. Но есть оперы, тема которыхъ не животная страсть, а человѣческая любовь въ ея высшей и благороднѣйшей формѣ, любовь, которая расцвѣтаетъ въ самопожертвованіе, ибо самопожертвованіе является естественнымъ цвѣткомъ, выростающимъ отъ корня любви. Музыка одной изъ оперъ Вагнера его ранняго періода Летучій Голландецъ („Морякъ-скиталецъ") выражаетъ именно такую любовь. Фабула этой оперы заключается въ томъ, что „Летучій Голландецъ" сдѣлалъ много зла и обреченъ вслѣдствіе этого жить въ своемъ тѣлѣ вѣка за вѣками какъ капитанъ корабля, который приноситъ всюду на своемъ пути несчастія. Онъ не можетъ избавиться отъ бремени своего тѣла и не можетъ найти покоя въ смерти до тѣхъ поръ, пока его не полюбитъ женщина, вѣрная до смерти; только такая самоотверженная любовь могла бы освободить его. Онъ встрѣчаетъ дѣвушку, которую видѣлъ во снѣ, дѣвушку, очарованную разсказами о немъ, о тяготѣющемъ надъ нимъ проклятіи и о его несчастной судьбѣ. Въ святилищѣ своего чистаго сердца, она дала обѣтъ искупить

его и молила о встрѣчѣ съ нимъ, чтобы вѣрностью до могилы снять тяготѣющее надъ нимъ проклятіе. Одинъ юноша страстно любитъ ее и сватается за нее, но она стойко отклоняетъ эту любовь, которая сулитъ ей счастье домашняго очага и покровительство мужа; устремляясь сердцемъ къ высшей любви, она отдаетъ свое дѣвичье чувство той несчастной отчаивающейся душѣ, которая можетъ быть освобождена только черезъ любовь, вѣрную до могилы. Летучій Голландецъ покоренъ чистотой и нѣжностью молодой дѣвушки; онъ чувствуетъ, какъ его жестокое сердце таетъ подъ свѣтлыми лучами ея чистой нѣжности. Услыхавъ о сватовствѣ своего молодого соперника, и боясь, чтобы его молодая страсть не завоевала сердца дѣвушки, Летучій Голландецъ приходитъ въ бѣшенство, обезумѣвъ отъ мысли потерять только что родившуюся надежду на освобожденіе. Но очищенный своей собственной любовью, онъ поднимается надъ себялюбіемъ и рѣшается снять съ дѣвушки данный ею обѣтъ спасти его; онъ хочетъ, чтобы она воспользовалась открывающеюся передъ ней болѣе свѣтлой долей. Онъ отказывается отъ спасенія и возвращается на свой корабль, поднимаетъ паруса и покидаетъ гавань. Дѣвушка, вырвавшись изъ объятій человѣка, который умоляетъ ее повѣнчаться съ нимъ, бѣжитъ вслѣдъ за уходящимъ кораблемъ и бросается въ море, чтобы ея любовь, вѣрная до смерти, могла спасти отчаивающуюся душу скитальца. Музыка, выражающая чистоту любви, ея страданіе, ея отреченіе и ея отчаяніе, поднимается все выше и выше, становится все глубже и все побѣдоноснѣе, пока на сценѣ не разрываются облака и искупающая любовь вмѣстѣ съ отрекающейся скорбью не показываются въ небесахъ, послѣ чего конечный взрывъ мелодіи возвѣщаетъ, что за страданіемъ слѣдуетъ радость. Когда музыка иллюстрируетъ такія темы и заставляетъ всѣ сердца трепетать въ отвѣтъ на эмоціи, выражаемыя пѣвцами, она только очищаетъ и утончаетъ чувства слушателей; такая музыка углубляетъ вдохновеніе, создавшее старыя легенды, въ которыхъ центральной идеей является Любовь, Жертва и Смерть.

На какую же сторону человѣческой природы дѣйствуетъ такая музыка, разъ она не пробуждаетъ страсти, а скорѣе возвышаетъ человѣка надъ нею? Кромѣ вашего плотнаго физическаго тѣла вы имѣете и болѣе тонкое тѣло, состоящее изъ болѣе тонкой матеріи, чѣмъ матерія физическая,—матеріи, вибрирующей болѣе короткими и быстрыми волнами, чѣмъ волны болѣе плотной физической матеріи. Въ составъ этого болѣе тонкаго тѣла

входятъ различныя степени тонкой матеріи, ибо тонкая матерія обладаетъ такими же различными состояніями, каковы плотное, жидкое, газообразное и эфирное состояніе физической матеріи. Эти различныя состоянія соотвѣтствуютъ длинѣ волнъ, образуемой вибраціями музыкальныхъ нотъ, и наиболѣе грубыя отвѣчаютъ вибраціямъ, выражающимъ животныя страсти, а наиболѣе тонкія—вибраціямъ, выражающимъ человѣческую любовь. Какъ существуетъ соотвѣтствіе между вибраціями матеріи и перемѣнами въ сознаніи, такъ и вибраціи болѣе тонкаго тѣла вызываютъ измѣненія въ сознаніи слушателей, благодаря которымъ послѣдніе испытываютъ страсти и эмоціи, изображаемыя музыкой. Отсюда сила музыки вызывать страсти и эмоціи въ слушателяхъ; эта игра вибрацій можетъ быть наблюдаема развитымъ зрѣніемъ въ то время, какъ физическое ухо отвѣчаетъ на вибраціи въ наиболѣе грубыхъ частицахъ, образующихъ воздухъ. Большія массы вибрацій образуются многими нотами, ударяемыми сразу, какъ въ аккордахъ западной музыки; такіе массивные звуки воспроизводятся главнымъ образомъ наиболѣе грубыми частицами матеріи, составляющей тонкое тѣло, тогда какъ единичнымъ нѣжнымъ, или высокимъ нотамъ легче всего отвѣчаютъ его наиболѣе тонкія частицы.

Остановимся на минуту на значеніи „ноты". Въ чемъ разница между „нотой" и шумомъ? Каждый школьникъ отвѣтитъ, что шумомъ называется совокупность неправильныхъ колебаній, сталкивающихся, смѣшивающихся и отражающихся на барабанной перепонкѣ уха неправильными безпорядочными движеніями. „Нота" же состоитъ изъ правильныхъ ритмическихъ колебаній, создающихъ воздушныя волны опредѣленной длины. Большое количество этихъ колебаній сливается внутри уха и одинаковое число вибрацій даетъ всегда одну и ту же ноту. Внѣ уха и внутри его, это—вибраціи, движеніе матеріи. Онѣ становятся звукомъ только тогда, когда достигаютъ сознанія путемъ вибрацій тонкаго тѣла. Прислушайтесь къ сиренѣ; когда воздухъ начинаетъ проходить черезъ ея отверстія, вы сначала слышите какъ бы дуновенія воздуха. Съ ускореніемъ вращенія диска они соединяются въ низкую ноту. По мѣрѣ того, какъ вращеніе все ускоряется, нота становится все выше и выше и наконецъ доходитъ до самаго высочайшаго и тончайшаго звука. Съ дальнѣйшимъ ускореніемъ вращенія наступаетъ тишина, такъ какъ слухъ уже потерялъ способность воспринимать колебанія. Сначала слухъ могъ различать отдѣльные воздушные толчки, но, съ уменьшеніемъ интерваловъ между воздушными толчками, слухъ теряетъ

способность различать ихъ и тогда толчки сливаются и возникаетъ нота. По мѣрѣ ускоренія движенія диска, увеличивается все больше количество колебаній въ секунду, и такимъ образомъ нота становится все выше и выше, пока не переходитъ въ безмолвіе. Почему въ безмолвіе? Потому что ухо уже не можетъ больше отвѣчать на вибраціи и воспроизводить ихъ, и хотя онѣ продолжаютъ разрѣзать воздухъ, но намъ онѣ уже не слышны. Если произвести этотъ опытъ передъ толпой людей, то окажется, что одни воспринимаютъ ускоряющіяся колебанія дольше, чѣмъ другіе, такъ, что когда для нѣкоторыхъ уже наступаетъ тишина, другіе еще слышатъ высокій звукъ.

Когда музыка состоитъ изъ самыхъ тонкихъ и нѣжныхъ звуковъ, она дѣйствуетъ на болѣе тонкія частицы тонкаго тѣла, тогда какъ болѣе массивная гармонія дѣйствуетъ на болѣе грубыя частицы его. Когда кто-нибудь это понимаетъ ясно, какъ это понимаетъ опытный оккультистъ, онъ можетъ выбирать вибраціи, сообразуясь съ результатами, которые онѣ производятъ; такимъ образомъ создалась наука мантръ. Люди, не обладающіе этими знаніями, не могутъ достичь тѣхъ же результатовъ.

Эмоціи всѣхъ степеней могутъ быть вызваны такимъ образомъ, и такъ какъ музыка способна выражать чувства все болѣе утонченныя, какъ самоотверженную любовь, самоотреченіе и поклоненіе, отвѣтный симпатическій трепетъ можетъ быть вызванъ и въ духовномъ тѣлѣ *) человѣка, и тогда человѣкъ, вознесшійся на крыльяхъ музыкальныхъ вибрацій, можетъ достичь порога духовнаго міра. Такимъ образомъ музыка служитъ религіи, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. На Западѣ величайшіе музыканты напрягаютъ всѣ свои силы для того, чтобы выразить звуками высшія человѣческія чувства, и если бы восточному жителю представился случай впервые услышать одну изъ мессъ, написанныхъ мастеромъ божественнаго музыкальнаго искусства, онъ, не смотря на свое незнаніе латинскаго языка и на непривычку къ употребленію аккордовъ, подпалъ бы тѣмъ не менѣе подъ очарованіе этой музыки и испыталъ бы чувство успокоенія и углубленія, располагающаго къ медитаціи. Что же происходитъ? Когда музыка вздыхаетъ, плачетъ и рыдаетъ, выражаемыя ею чувства передаются вашему сердцу. Если, понимая слова, передающія чувство раскаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ, мольбу о прощеніи за совершенныя беззаконія, вы будете сочувствовать имъ, музыка „Qui

*) Budhi или Anandamayakosha.

tollis" въ „Miserere", сопровождающая эти слова, заставитъ васъ плакать и такъ подѣйствуетъ на ваше сердце, что оно забьется въ отвѣтъ на паѳосъ этихъ словъ. Далѣе, въ скорбномъ настроеніи музыки, незамѣтно появятся тихіе звуки всепрощенія, и нѣжная мелодія, успокоивающая ваше чувство тоски, зазвучитъ милосердіемъ и выразитъ божественный миръ и любовь. Затѣмъ, послышится болѣе радостное пѣніе, а когда Божественный Вѣстникъ, спускаясь съ неба, приноситъ благословеніе, миръ и свѣтъ, тогда раздается призывъ къ народу, чтобы онъ вознесъ сердце свое къ Господу и приготовился къ совершаемому на алтарѣ таинству, къ принятію Святыхъ Даровъ, черезъ которые божественное начало соединяется съ человѣческимъ. Каждое измѣненіе музыки способно вызвать соотвѣтствующія чувства въ сердцахъ молящихся. И культурные люди и невѣжественные крестьяне, всѣ преклоняютъ колѣна съ одними и тѣми же чувствами, проникаются однѣми и тѣми же эмоціями, всѣ очищаются, укрѣпляются и возносятся разростающимися волнами музыки, поднимающими ихъ изъ міра нечистаго въ преддверіе невидимаго храма духа.

Но какъ бы ни была сильна и благородна западная музыка, въ ней нѣтъ той неуловимой силы, свойственной индусской музыкѣ, которая располагаетъ къ высшимъ формамъ медитаціи, когда звуки музыки переходятъ постепенно въ безмолвіе, и восхищенное сознаніе, покидая тѣло въ волнахъ мелодіи, переходитъ съ высшія области. Существуютъ нѣжныя ноты, издаваемыя музыкальными инструментами, которыя пробуждаютъ самыя тонкія вибраціи *въ высшихъ* тѣлахъ, и когда онѣ какъ бы уже перестаютъ звучать, духъ освобождается. Мнѣ кажется, что эти необыкновенно нѣжныя ноты обладаютъ большею властью, чѣмъ какіе бы то ни было аккорды. Аккордъ пробуждаетъ страсть, или эмоцію, эти же особенныя ноты вызываютъ духовный экстазъ; одно располагаетъ къ дѣятельности, а другое приводитъ къ спокойствію, къ созерцанію и къ внутреннему миру. И именно въ этомъ, какъ мнѣ кажется, и заключается та великая услуга, которую музыка можетъ оказать религіи, ибо затрудненіе, встрѣчаемое во время медитаціи, исходитъ по большей части отъ нашего высшаго проводника. Привыкнувъ постоянно отвѣчать на воздѣйствія извнѣ, онъ находится въ постоянномъ вибрированіи и вѣчно мѣняетъ свои вибраціи. Эти вибраціи вызываютъ безконечныя измѣненія въ сознаніи, а эти измѣненія, въ свою очередь, дѣйствуютъ на него. Религіозная музыка препятствуетъ этимъ измѣненіямъ сознанія, вызываетъ свои собственныя вибраціи въ ментальномъ

тѣлѣ и, вмѣсто нестройнаго шума, устанавливаетъ ритмическія вибраціи музыки. Удерживая эти однородныя вибраціи, весь составъ тѣла постепенно успокаивается и достигнутое спокойствіе отражается на устойчивости сознанія, работающаго въ соотвѣтствіи съ своимъ ритмически вибрирующимъ проводникомъ. Такимъ образомъ музыка можетъ содѣйствовать тому, чтобы вибраціи ментальнаго тѣла помогали устойчивости сознанія. Такимъ образомъ успокоеніе и приведеніе сознанія въ устойчивое состояніе во время медитаціи является одной изъ услугъ, которую музыка можетъ оказать религіи.

Но бываетъ и нѣчто другое, когда мы употребляемъ спеціальную форму музыки, извѣстную подъ именемъ „Мантры". „Мантра" есть послѣдовательное сочетаніе звуковъ, распредѣленныхъ такъ, чтобы произвести опредѣленное дѣйствіе. Каждая Мантра подчинена своему „Дэвѣ", который принадлежитъ къ одной изъ іерархій, имѣющихъ каждая свою опредѣленную музыкальную ноту. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и составлено сочетаніе звуковъ въ Мантрѣ. Когда тонкое тѣло вибрируетъ соотвѣтственно этому сочетанію, оно становится болѣе чуткимъ къ вліянію Дэвы и болѣе раскрытымъ для воспріятія впечатлѣній, идущихъ отъ него. Мантра создаетъ механически такія условія, которыхъ трудно достигнуть инымъ путемъ, и этимъ сокращаетъ время приготовленія къ медитаціи, сохраняя такимъ образомъ силы ума и воли для самой медитаціи. Мантра должна быть правильно пропѣта или произнесена про себя въ правильномъ послѣдованіи, правильнымъ кадансомъ. Каждое послѣдованіе, каждый кадансъ имѣетъ свое собственное вибраціонное дѣйствіе, и если вы ихъ измѣняете, вы измѣняете и ихъ дѣйствіе, ибо законы звука непреложны, какъ и всѣ другіе законы природы.

Другой, хорошо извѣстный фактъ, заключается въ томъ, что общая Мантра можетъ сдѣлаться болѣе дѣйствительной для отдѣльнаго индивидуума, если въ ней будетъ послѣдованіе звуковъ, называемое „bija". Но это должно быть исполнено человѣкомъ, посвященнымъ въ науку вибрацій, умѣющимъ выбирать такіе звуки, которые соотвѣтствуютъ индивидууму и будутъ дѣйствительно совпадать какъ съ мелодіей Мантры, такъ и съ нотой индивидуума. Каждый изъ насъ имѣетъ свою ноту, которая постоянно звучитъ и которая есть совокупность вибрацій нашего высшаго тѣла. Изъ насъ постоянно исходитъ эта нота, она смѣшивается съ нотами нашихъ низшихъ тѣлъ и Дэвы всегда слышатъ ее. Эта вѣчно звучащая нота недоступна для тупого земного слуха,

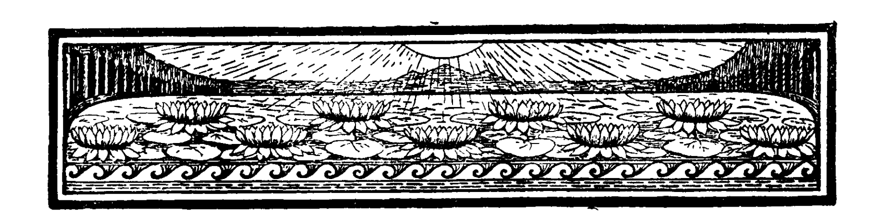
но въ высшихъ мірахъ она звучитъ всегда ясно, и отъ насъ зависитъ, создавать ли въ нашихъ земныхъ жизняхъ одни нестройныя сочетанія, одни шумы, или же музыку, соотвѣтствующую нашей истинной нотѣ и усиливающую міровую гармонію. Когда мы совершенствуемся въ духовной жизни, вибраціи всѣхъ нашихъ тѣлъ становятся все гармоничнѣе и музыкальнѣе, и тѣ ноты, которыя мы сами создаемъ, служатъ красотѣ общаго. Основная нота человѣка есть его истинный звукъ, его истинное имя; это не имя преходящей личности, а то имя, которое остается неизмѣннымъ на протяженіи всего цикла рожденій и смертей, то имя, по которому Дэвы знаютъ насъ, имя, на которое наша душа отзывается, когда оно звучитъ въ пространствахъ. Оно можетъ быть заглушено дисгармоніей страстей, можетъ потонуть въ вихрѣ бурныхъ, нестройныхъ мыслей, но тѣмъ не менѣе оно вѣчно звучитъ въ глубинѣ нашего сердца и истинная жизнь получаетъ выраженіе въ этой нотѣ. По мѣрѣ того, какъ мы выростаемъ для духовной реальности и возвышаемся надъ мірскими диссонансами, среди которыхъ живемъ, мы создаемъ настоящую музыку и соединяемъ наше бытіе въ одной чистой нотѣ съ безчисленными гармоническими тонами. Когда земныя Мантры приводятъ насъ въ гармоническое настроеніе, мы приближаемся къ пѣнію той конечной Мантры, которая будетъ нашей, когда Духъ осуществитъ свое освобожденіе, Мантры, которая сдѣлаетъ наши проводники недоступными для земныхъ диссонансовъ. Музыка помогаетъ намъ, когда мы ее выбираемъ вѣрно, и она же задерживаетъ насъ, если мы ее употребляемъ для пробужденія низшаго, а не высшаго. Соедините религію съ музыкой и музыка станетъ болѣе вдохновенной, а религія сдѣлается болѣе дѣйствительной, и тогда высшая музыка и одухотворенная религія, слившіяся во едино, помогутъ вамъ быстрѣе подвигаться къ совершенству.

Пер. **А. Унковская.**

Всѣ вещи міра возникаютъ отъ бытія, бытіе возникаетъ отъ небытія.

(Изреченіе изъ Лао-Тзе).

Принцъ и водяной Затворъ.

Старые люди, живущіе на западѣ, гдѣ Корнваллійскія морскія волны разбиваются о темныя скалы изъ гранита и изъ многоцвѣтнаго мрамора и затѣмъ разливаются, тихо бормоча, по серебристо-сѣрому песку, старые люди, живущіе тамъ, гдѣ Гольфстремъ согрѣваетъ воздухъ благовоннымъ тепломъ вѣчно юнаго прилива, разскажутъ тѣмъ, кого они дарятъ своею благосклонностью, про таинственную страну Ляйонессъ. Такіе отличенные могутъ даже и въ наши дни услышать о Потерянной Странѣ, отъ которой только и осталось, что крошечные островки, задернутые въ лѣтніе дни блестящимъ молочно-бѣлымъ туманомъ, а въ зимніе—облаками вѣтромъ бичуемой пѣны. По преданіямъ, морскія феи завладѣли остатками великой „Потерянной Страны“ и погрузили ее въ глубину морскую, чтобы она могла тамъ спокойно дремать вдали отъ грохота и мятежа безпокойнаго міра нашихъ дней; чтобы она могла тихо лежать подъ перебѣгающими тѣнями, которыя, отражаясь отъ пурпуровыхъ облаковъ, рѣзво скользятъ по поверхности зеленыхъ Корнваллійскихъ водъ; чтобы она могла слышать, и то въ полуснѣ, лишь шепотъ разбѣгающейся пѣны, да смѣхъ бѣлокрылыхъ чаекъ.

Мудрый старый народъ, который такъ мало интересуется новыми вещами и такъ скупо говоритъ о старыхъ временахъ, хранитъ про себя свои легенды, которымъ и самъ то лишь на половину вѣритъ. А легенды эти говорятъ о вещахъ, происходившихъ на затонувшемъ материкѣ Ляйонессъ, а также въ „Свѣтящейся Странѣ“ полной чудесъ, въ Хай Брезиль, которая не погибла, а лишь ожидаетъ, чтобы ее нашли, и путь къ которой могли проложить только немногіе герои изъ старой расы. Послѣдующая

исторія есть одна изъ такихъ легендъ, разсказанная молодымъ скептикамъ нашихъ дней; но весьма возможно, что то, о чемъ въ ней идетъ рѣчь, происходило совершенно иначе, или же было передано совсѣмъ невѣрно.

Разсказываютъ, что въ послѣднія времена „Потерянной Страны" въ ней царствовалъ великій король, и что все окружавшее его было проникнуто тайной. Это могло случиться или отъ того, что онъ дѣйствительно происходилъ изъ мистической страны, никому невѣдомой, или же отъ того, что владѣнія его были настолько велики, что жившій по окраинамъ народъ никогда не видалъ его въ лицо, и въ простотѣ душевной сочинялъ легенды на его счетъ; послѣднее предположеніе принадлежитъ къ позднѣйшимъ гипотезамъ и поэтому — надо думать — достойно бо́льшаго довѣрія. По нѣкоторымъ преданіямъ и весь то его дворъ, въ центрѣ большого города, гдѣ собирались его рыцари и совѣтники, былъ ничто иное, какъ иллюзія, созданная однимъ могучимъ магомъ, для смущенія неученыхъ людей. Существуетъ легенда, что этотъ великій король появился изъ Хай Брезиля; но есть другая легенда, которая утверждаетъ, что онъ никогда и не покидалъ Хай Брезиль. Болѣе того, есть указаніе, что молодой принцъ отправился къ королю именно туда, послѣ того какъ открылъ водяной затворъ, о чемъ я сейчасъ буду разсказывать такъ, какъ самъ слышалъ отъ другихъ.

Та область Ляйонесса, которая въ наши времена называется Корнуэлемъ, находилась подъ управленіемъ принца изъ того же рода, къ которому принадлежалъ и король. Этотъ принцъ былъ ревностнымъ покровителемъ наукъ, и хотя ввѣренная ему область находилась вдали отъ королевскаго двора, она была переполнена мудрыми и доблестными мужами, а также добродѣтельными и тонко воспитанными лэди.

Въ столицѣ этой области ученость сдѣлала большіе успѣхи, а украшавшія ее зданія отличались удивительной красотой и благородствомъ. Отецъ этого принца былъ великимъ воиномъ; это былъ онъ, который съ помощью чаръ могучаго мага прогналъ дикія орды, не хотѣвшія подчиниться власти короля. Онъ прогналъ ихъ такъ далеко, что жители города почти совсѣмъ забыли о тѣхъ дняхъ, когда дикари вызывали въ нихъ такой неописанный ужасъ. Жизнь жителей города становилась все болѣе роскошною; они жили въ довольствѣ и накопляли богатство, заботясь въ то же время о наукахъ и искусствахъ и объ увеличеніи учености и цивилизаціи. Городъ былъ расположенъ на днѣ широкой,

зеленой долины; съ трехъ сторонъ: съ сѣвера, востока и запада долина была окружена высотами, съ нихъ сбѣгали ручьи, сверкавшіе какъ кристаллъ. Съ открытой, южной стороны долины виднѣлась плодородная равнина, орошаемая большой рѣкой, которую питали сбѣгавшіе съ холмовъ ручьи; рѣка эта протекала многія мили по направленію къ югу. Позади сѣверныхъ холмовъ простиралась широкая песчаная равнина; а посреди западныхъ холмовъ находился большой резервуаръ, откуда вода была проведена по всѣмъ улицамъ города. Сѣверные холмы были круче и выше остальныхъ; въ нихъ тоже былъ большой водяной резервуаръ, но оттуда не было стока воды. Глубокій каналъ, продѣланный въ скалахъ, проводилъ воду съ холмовъ внизъ, сперва въ высохшее русло рѣки, которое проходило черезъ центръ города, а затѣмъ въ южную рѣку. Однажды, благодаря злымъ заклинаніямъ барда, состоявшаго при дворѣ одного изъ западныхъ вождей, великая засуха спустилась на городъ. Бардъ пропѣлъ свои заклинанія надъ ручьями и они всѣ высохли, онъ бросилъ другія заклинанія въ небо, и облака перестали посылать дождь на землю, отъ чего и люди и скотъ умирали отъ жажды. И тогда отецъ принца, правившаго городомъ, слывшій могучимъ воиномъ и великимъ полководцемъ, объявилъ войну вождю съ Запада и убилъ его, и, взявъ въ плѣнъ его барда, похоронилъ его подъ кэрномъ*) на западныхъ холмахъ,—послѣ чего полилъ дождь и народъ возрадовался. Въ царствованіе этого воинственнаго короля народъ былъ болѣе жестокъ и свирѣпъ, чѣмъ въ царствованіе его сына, который покровительствовалъ мирнымъ искусствамъ.

Послѣ этой засухи въ странѣ появился великій магъ, посланный самимъ королемъ; съ помощью своего искусства онъ высѣкъ большую разсѣлину въ одномъ изъ сѣверныхъ холмовъ, куда начали стекаться всѣ ручьи и образовали обширное озеро, простиравшееся такъ далеко, что глазу не видно было его окраинъ, и вся эта масса воды была заперта внутри скалистыхъ стѣнъ съ помощью огромной мѣдной заставы, которая была установлена въ томъ мѣстѣ, гдѣ магъ сдѣлалъ разсѣлину для стока воды. Онъ продѣлалъ каналъ по направленію къ городу силою волшебныхъ заклинаній, благодаря которымъ Духи земли и воздуха, воды и огня повиновались его голосу и творили по волѣ его; и онъ окружилъ холмы, и озеро, и огромный затворъ самыми могучими ча-

*) Надгробный камень на могилахъ древнихъ вождей сѣверныхъ народовъ, — cairn.

рами; и ни единый человѣкъ не зналъ сущности этихъ чаръ, кромѣ короля, отъ котораго магъ и получилъ свое знаніе.

Нынѣ царствующій принцъ сильно заботился о славѣ своего города, и, какъ сказано выше, поощрялъ ученость и особенно покровительствовалъ изобрѣтеніямъ, которыя помогали быстрому передвиженію по землѣ и по воздуху, а также всему, что такъ или иначе содѣйствовало украшенію города. Благодаря этому, множество людей, желавшихъ выказать свои дарованія и свое искусство и воспользоваться царскими милостями, толпами стекались въ городъ и оттого городъ становился все ученѣе и ученѣе, и все роскошнѣе и великолѣпнѣе.

Нужно знать, что у принца былъ младшій братъ, котораго онъ очень любилъ, ибо братъ этотъ не только былъ прекрасенъ на видъ, строенъ и пріятенъ въ обхожденіи, первый во всѣхъ придворныхъ искусствахъ, но онъ былъ также и блестящаго ума, очаровательнаго краснорѣчія и учености, далеко превышавшей его возрастъ. Владѣтельный принцъ постоянно выдвигалъ его въ Совѣтѣ, который управлялъ городами, и даже послалъ къ королю гонца съ убѣдительной просьбой не оставить своимъ царскимъ вниманіемъ его брата, младшаго принца, и самому убѣдиться, насколько онъ былъ достоинъ управлять людьми и въ какой степени заслуживалъ и почестей, и поощренія.

Но прежде чѣмъ вѣстники достигли до короля, младшимъ принцемъ овладѣло великое утомленіе и великое равнодушіе ко всему; казалось, что его не интересовали болѣе ни ученыя занятія, ни почести, ни слава родного города, и люди начали говорить, что навѣрное мозгъ его не выдержалъ слишкомъ большого напряженія. И владѣтельный принцъ, его братъ, почувствовалъ великое огорченіе.

Когда пришло для вѣстниковъ время возвратиться, съ ними вмѣстѣ появился старый сановникъ, весьма уважаемый королемъ. Онъ привезъ отъ своего господина привѣтствіе младшему принцу и порученіе къ нему, а для многихъ наиболѣе ученыхъ мужей города великія царскія милости и большія повышенія. На третій день своего пребыванія королевскій посолъ пригласилъ младшаго принца сѣсть на коня и поѣхать съ нимъ за предѣлы города, чтобы наединѣ передать ему порученіе короля. Владѣтельный принцъ радовался, думая, что его брату предстоятъ великія почести.

Принцъ и королевскій посолъ отправились къ сѣвернымъ холмамъ, направляя своихъ коней къ крутому подъему, ведущему

къ большому водяному резервуару. Тамъ старый посланникъ сошелъ съ коня и медленно, съ большимъ трудомъ, поддерживаемый вѣжливымъ принцемъ, взобрался на холмъ и остановился у края воды, которая наполняла большую выемку, высѣченную—подобно большому бассейну—въ скалѣ. И вода тихо плескалась о верхній край большого мѣднаго затвора, который отдѣлялъ ее отъ глубокаго высохшаго канала.

Посланникъ короля долго прислушивался къ плеску воды; подъ конецъ онъ сказалъ: „Благороднѣйшій принцъ! король, мой господинъ, посылаетъ вамъ привѣтствіе и проситъ васъ выполнить задачу, которую онъ ввѣряетъ въ ваши руки". Принцъ отвѣтилъ: „Власть, которою облеченъ король, даетъ ему право приказывать мнѣ, милордъ."

Посланникъ короля сказалъ: „Въ предѣлахъ закона, король предпочитаетъ, чтобы его подданные имѣли свободный выборъ. Приближается день, когда этотъ городъ, столь достойно управляемый вашимъ благороднымъ братомъ, долженъ погибнуть, если этотъ затворъ не будетъ открытъ. Королю одному извѣстна тайна его раскрытія и онъ поручаетъ мнѣ сказать вамъ: „ни одному человѣку, кромѣ принца царской крови, не можетъ быть поручено открытіе водяного затвора; но при этомъ король проситъ васъ основательно подумать, прежде чѣмъ давать ваше царственное слово въ томъ, что вы берете эту задачу на себя. Въ этомъ запечатанномъ свиткѣ излагается тайна раскрытія водяного затвора, но она должна быть извѣстна только тому, кто откроетъ свитокъ въ часъ грядущей для города опасности; и тотъ, кто захочетъ взять на себя эту задачу, долженъ оставить городъ и всѣ свои дѣла, и всѣ занятія, и пребывать здѣсь, чтобы слѣдить за затворомъ, пока не пробьетъ роковой часъ."

Пока королевскій посланникъ говорилъ, принцъ почувствовалъ, какъ страхъ проникалъ въ его сердце, ибо въ немъ воскресла внезапная любовь ко всему, что еще недавно такъ утомляло его, и загорѣлось большое влеченіе къ тѣмъ задачамъ и дѣламъ, о которыхъ онъ еще такъ недавно говорилъ въ сердцѣ своемъ: „ничего этого не нужно мнѣ!" Онъ молча стоялъ, а передъ нимъ—какъ призраки—проносились всѣ его мечты о славѣ на сушѣ и на морѣ, всѣ думы о подвигахъ воина, царя, мага и мечтателя, всѣ упованія, когда-либо восхищавшія его душу. Всѣ благородныя видѣнія о великомъ служеніи міру прошли передъ его внутреннимъ взоромъ; всѣ горячія молодыя силы поднялись въ немъ и онъ почувствовалъ трепетаніе ихъ жизни и радовался,

что онѣ ожили и снова горятъ въ немъ; подъ конецъ прекрасное лицо очаровательной молодой лэди, фрейлины принцессы, жены его брата, засіяло передъ нимъ; онъ увидалъ ее съ малюткой на колѣняхъ, во всей чистотѣ и величавой граціи нѣжнаго материнства.

Затѣмъ онъ взглянулъ на широкое пространство сѣровато-жемчужной воды, берега которой были закутаны въ сѣрую дымку, и на далеко разстилающіеся голые пески, надъ которыми парилъ орелъ; онъ прислушивался къ плесканію воды и къ тихому звуку падающихъ капель, которыя просачивались въ щели мѣдныхъ воротъ. Тихій плескъ и капаніе воды дѣлали окружающую тишину еще болѣе зловѣщей и одинокой; кромѣ того, было чрезвычайно холодно на этой высотѣ для жителя города, привыкшаго къ защитѣ домашнихъ очаговъ. И тогда большое смущеніе проникло въ его душу, и онъ самъ не зналъ, чего хотѣло его сердце, и не могъ представить себѣ, какое будущее ожидаетъ его. Души людей словно закрылись для него и въ его собственную душу спустился великій холодъ и равнодушіе ко всему; поэтому тономъ скучающимъ и холоднымъ онъ отвѣтилъ слѣдующее: „Для меня безразлично, эту ли задачу исполнить или другую, ибо, если говорить правду, я одинаково усталъ и отъ дѣятельности, и отъ бездѣйствія; прошу васъ передать королю, что я останусь здѣсь по его желанію и строго буду хранить свитокъ, не открывая его до указаннаго часа, и въ этомъ я даю мое королевское слово.“

Послѣ этихъ словъ посланникъ короля склонился, поцѣловалъ у принца руку и передалъ ему свитокъ. А затѣмъ онъ поѣхалъ назадъ по направленію къ городу, держа въ поводу принцева коня.

Принцъ построилъ для себя хижину изъ вѣтвей, вблизи озера. Онъ сидѣлъ тамъ въ одиночествѣ, утоляя водой изъ озера жажду и питаясь травами и дикими ягодами ближайшихъ лѣсовъ и болотъ. Отъ времени до времени его прежніе друзья подъѣзжали къ сѣвернымъ холмамъ съ вѣстями о великихъ успѣхахъ, которые науки и искусства дѣлали въ его странѣ. Разсказывали, что король присылалъ награды и оказывалъ почести ученымъ гражданамъ, знатнымъ людямъ и принцамъ двора, что побуждало ихъ къ новымъ, еще большимъ усиліямъ; но для молодого принца онъ не присылалъ ни единой вѣсти и даже ни единаго слова. Царствующій принцъ самъ подъѣзжалъ къ водяному затвору со всей своей свитой и умолялъ младшаго брата вернуться въ городъ. Онъ говорилъ:

„Одиночество и бездѣйствіе сведутъ тебя съ ума. Какое странное и дикое дѣло хочешь ты совершить здѣсь, какой ложный свѣтъ свѣтитъ тебѣ? Не можетъ доставить королю удовольствіе, что ты, мой братъ, пребываешь въ бездѣйствіи, тогда какъ нужды страны ждутъ твоихъ силъ,—и ты, съ твоими талантами и ученостью, долженъ бы оставаться при мнѣ и быть моей правой рукой въ городскомъ совѣтѣ“. Принцъ возражалъ: „Во истину, мой господинъ и братъ, я не знаю, *что* доставитъ королю удовольствіе, но я знаю, что я связанъ словомъ, которое далъ ему“.

„Ты совсѣмъ лишился разсудка“ воскликнулъ старшій принцъ. „Простой крестьянинъ или рабъ могъ бы открыть этотъ затворъ, когда придетъ нужда. Или, если ужъ ты обязался сдѣлать это самъ, ты можешь пріѣхать изъ города, когда необходимость настанетъ открыть затворъ“. „Я далъ королю слово стеречь этотъ затворъ, сказалъ принцъ; поэтому не убѣждай меня болѣе“.

Старшему принцу пришлось оставить его; но онъ не переставалъ протестовать и возмущаться его безуміемъ. Жители города, рѣшивъ, что принцъ сошелъ съ ума, или можетъ быть измѣнился, и во всякомъ случаѣ оказался недостойнымъ традицій своего рода, сперва смѣялись надъ нимъ, а затѣмъ почти забыли о томъ, что онъ стережетъ въ одиночествѣ водяной затворъ.

Принцъ думалъ: „можетъ быть король хотѣлъ мнѣ показать свое презрѣніе, оказывая почести другимъ и давъ мнѣ это порученіе въ отвѣтъ на ходатайство брата моего... И поистинѣ, онъ имѣетъ право презирать меня, ибо сердце мое знаетъ свою собственную слабость. Оно не перестаетъ дрожать и тянуться къ городу, хотя я хорошо знаю, что будь я тамъ, я снова началъ бы тосковать... Ибо, что пользы въ этомъ городѣ? И что пользы въ охраненіи этого затвора, который съ такимъ же успѣхомъ могъ бы охранять и простой рабъ? И къ чему этотъ міръ? Къ чему свѣтитъ это солнце?“.

И когда онъ скорбѣлъ такъ, великое безмолвіе и безпредѣльное одиночество опустилось надъ его хижиной, и въ этомъ безмолвіи въ его душѣ раздались такія слова: „всѣ люди въ этой странѣ, и горожане, и дикія орды, хотятъ ли они того или не хотятъ, всѣ участвуютъ въ дѣлѣ короля; но даже среди самыхъ сильныхъ работниковъ не найдется такихъ, которые бы не ослабѣли и не отказались работать, если бы король не ободрялъ ихъ почестями и признаніемъ плодовъ ихъ труда и величія ихъ заслугъ. Изъ многихъ тысячъ, которыя живутъ трудясь въ нашемъ

городѣ, найдется лишь одинъ, способный пребывать съ терпѣніемъ и—ничего не требуя—ждать, охраняя закрытую дверь".

Когда эти слова дошли до сознанія принца, въ душу его снизошелъ великій миръ, и мысль его стала такъ же спокойна, какъ гладкая поверхность воды въ озерѣ. Однажды, когда онъ сидѣлъ у своей хижины терпѣливый и спокойный, онъ услыхалъ топотъ быстро бѣгущихъ ногъ и увидалъ облака пыли, поднятыя быстрымъ бѣгомъ мчавшагося къ нему человѣка, тяжелое дыханіе котораго уже доносилось до него. Человѣкъ этотъ упалъ безмолвно къ ногамъ принца; его глаза помутились, его лицо потемнѣло, запекшіяся губы дрожали, и все его тѣло подергивалось конвульсіями; и принцъ началъ уже бояться, что онъ умретъ, не высказавъ причины, заставившей его спѣшить съ такимъ напряженіемъ. Принцъ поспѣшилъ принести изъ озера воды, которую гонецъ выпилъ съ жадностью; онъ приподнялся, сѣлъ и началъ глядѣть вокругъ, словно ослѣпленный. Затѣмъ онъ вскочилъ съ земли и закричалъ: „спасай городъ, о господинъ, спасай скорѣй городъ!".

„Какая же опасность грозитъ городу?" спросилъ принцъ. Тогда гонецъ заговорилъ съ волненіемъ: „дикіе народы, варвары съ юга, обступили городъ со всѣхъ сторонъ. Воины удерживаютъ ихъ, но они многочисленны какъ морской песокъ, а городъ нашъ не сильно защищенъ... Одинъ изъ рыцарей, изъ числа тѣлохранителей принца, пробился сквозь ихъ линіи и поскакалъ звать помощь въ города, расположенные на востокѣ... Туда отправились многіе наши воины, такъ какъ города эти находятся на границѣ, которая болѣе всего нуждалась въ защитѣ... И если онъ доскачетъ туда невредимымъ, мы должны одержать верхъ, но много дней пройдетъ прежде, чѣмъ можетъ подоспѣть подкрѣпленіе, прежде, чѣмъ помощь достигнетъ города...".

„Развѣ вы не можете продержаться до тѣхъ поръ?" воскликнулъ принцъ.

Гонецъ отвѣчалъ: „Мы бы могли продержаться, всемилостивѣйшій принцъ, могли бы! Но врагъ завладѣлъ западнымъ озеромъ и задержалъ теченіе всѣхъ рѣчекъ, мы умираемъ отъ жажды и все же мы скорѣе умремъ, чѣмъ сдадимся! Ибо варвары эти ужасны въ своей жестокости; они сожгли всѣ сдавшіеся имъ города и перебили всѣхъ мужчинъ, женщинъ и младенцевъ. Трое гражданъ дѣлали попытку достигнуть до васъ, и всѣхъ ихъ перехватили, двоимъ отрубили головы, а у третьяго вырвали языкъ и глаза и погнали его въ такомъ видѣ въ городъ...

„Удивительно, что они не распознали объ этомъ озерѣ, у котораго вы, благородный принцъ, пребываете,—развѣ что мѣсто это охраняется отъ враговъ могучими чарами... Къ вамъ меня прислалъ мой августѣйшій владыка и велѣлъ передать привѣтъ любви и просьбу открыть водяной затворъ, чтобы вода потекла по каналу къ намъ въ городъ, и чтобы мы могли утолить нашу жажду и жить".

„Ради этого я и ждалъ здѣсь такъ долго" сказалъ принцъ. „Но ты не долженъ оставаться и видѣть, какъ откроется затворъ, ибо, исключая короля, я одинъ долженъ знать тайну его открытія, и даже я до сихъ поръ не знаю, въ чемъ она состоитъ".

Гонецъ воскликнулъ:

„Да поразятъ меня боги, мой славный господинъ, если я вздумаю допытываться того, что желаетъ держать въ тайнѣ мой владыка король. Я полечу къ моимъ единоплеменникамъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ меня".

Сказавъ это, онъ склонилъ свою голову къ ногамъ принца и быстро помчался назадъ. Оставшись одинъ, принцъ сломалъ печать на свиткѣ и внимательно прочелъ написанное. Тамъ было указаніе, что онъ долженъ спуститься по извѣстнымъ высѣченнымъ въ скалѣ ступенькамъ на разстояніи одной мили къ югу отъ затвора, и, спустившись въ темный каналъ, снова подняться по круто высѣченному водяному ложу, пока не очутится передъ самымъ затворомъ; стоя передъ нимъ, онъ долженъ разыскать два высѣченные на поверхности мѣдныхъ воротъ круга, и, приложивъ къ нимъ ладони обѣихъ рукъ, слегка нажать на затворъ. Задача представлялась необыкновенно простой, и принцъ удивлялся, что тайна оказалась такимъ легкимъ и малымъ дѣломъ и такимъ понятнымъ, разъ узнаешь ее. Онъ прошелъ около мили по направленію къ югу, и дорога оказалась легкой и ровной. Скалистыя ступени были очень часты и спускъ тянулся болѣе чѣмъ на сто футъ внизъ по скалѣ со стороны канала. Принцъ шелъ легко, ибо онъ былъ молодъ, силенъ и ловокъ.

Спустившись, онъ долженъ былъ повернуть и подняться по каналу. Подъемъ къ затвору оказался тяжелымъ и крутымъ; скалистыя стѣны канала подходили на верху такъ близко одна къ другой, что все мѣсто было въ глубокой тѣни и тамъ царили пронизывающіе холодъ и сырость.

За сто ярдовъ до затвора русло канала поднималось такъ круто вверхъ, что принцъ долженъ былъ подвигаться вползая на рукахъ и колѣняхъ съ большимъ трудомъ и безпрестанно со-

скальзывая внизъ. Отдѣлявшіеся камни скатывались подъ его тяжестью и руки его были избиты и изрѣзаны. Часто ему казалось, что онъ сейчасъ оборвется, слетитъ на самое дно, и ему снова придется всползать на крутую вершину. Подъ конецъ онъ достигъ изъѣденныхъ сыростью дверей затвора и сталъ какъ разъ передъ ними на узкомъ и гладкомъ выступѣ скалы. Въ этомъ мѣстѣ царствовала удивительная тишина, такая тишина, словно вся жизнь остановилась, словно ни одинъ живой звукъ никогда не нарушалъ этого таинственнаго безмолвія.

Принцъ перевелъ дыханіе и, обернувъ голову, содрогнулся. Онъ увидалъ крутой скалистый откосъ, обрывающійся внизъ на глубину сотенъ ярдовъ, и только затѣмъ уже каналъ становился пологимъ, хотя все еще узкимъ и глубоко прорытымъ въ скалистыхъ стѣнахъ. Съ быстротой стрѣлы огромная клокочущая стремнина вырвется изъ своей темницы и съ яростью бросится внизъ по узкому ущелью, прежде чѣмъ достигнетъ широкаго канала и понесетъ жизнь въ умирающій отъ жажды городъ.

Съ быстротою стрѣлы! Принцъ пересталъ дышать; холодная дрожь пронизывала его, когда онъ стоялъ въ безпредѣльномъ одиночествѣ на узкомъ выступѣ скалы передъ самыми воротами. Ширины канала хватало лишь настолько, чтобы раскрыть двѣ половины затвора, *не болѣе того*. И только тогда принцъ понялъ, *какого рода* задачу король довѣрилъ ему; ибо тотъ, кто раскроетъ эти двери и дастъ воду жаждущимъ людямъ, долженъ въ то же время отдать и собственную жизнь свою. Наконецъ онъ понялъ причину своего долгаго одинокаго ожиданія. Только тотъ, кто въ состояніи отказаться отъ всего, что люди считаютъ жизнью, и ожидать въ одиночествѣ до конца, могъ выполнить подобную задачу: раскрыть въ надлежащій часъ двери и въ то же время бросить въ страшную стремнину и свою собственную жизнь... Ибо никто, покидающій свой жизненный постъ, не сможетъ добровольно умереть на немъ въ тотъ мигъ, когда долгъ потребуетъ жертвы.

Онъ приложилъ свои израненныя ладони къ указаннымъ кругамъ и сталъ давить на нихъ, пока руки его не побѣлѣли. Затѣмъ онъ опустилъ ихъ и сталъ ждать. Легко и безшумно распахнулись большія половинки воротъ, и онъ увидалъ, лишь на одно мгновеніе, янтарно-зеленую, пѣной окаймленную стѣну, громоздящуюся надъ нимъ... одинъ мигъ, и она опрокинулась на него, съ ревомъ смела его внизъ по крутизнѣ и понесла его, а вмѣстѣ съ нимъ и жизнь въ даръ тому народу, который сперва насмѣялся надъ нимъ, а потомъ забылъ о его существованіи. Въ нѣкото-

рыхъ легендахъ добавляется, что сквозь бурлящую и ревущую воду онъ увидалъ лицо короля, сіявшее надъ нимъ, но какъ это могло случиться—этого я не знаю.

Жители города услыхали далекій шумъ воды и привѣтствовали его громкими криками радости; воды, которыя должны были утолить ихъ жажду, понеслись свѣтлымъ потокомъ по широкому каналу и, затихнувъ и успокоившись, плавно потекли по улицамъ города, а оттуда на югъ въ большую рѣку. Увлеченные жаднымъ нетерпѣньемъ скорѣй утолить свою жажду, люди и не замѣтили, что потокъ несъ съ собой тѣло того, кто открылъ водяной затворъ для того, чтобы они могли жить; говорятъ, что если бы они взглянули на его лицо, они увидали бы въ немъ большое сходство съ своимъ королемъ.

Перев. съ англ. **Е. П.**

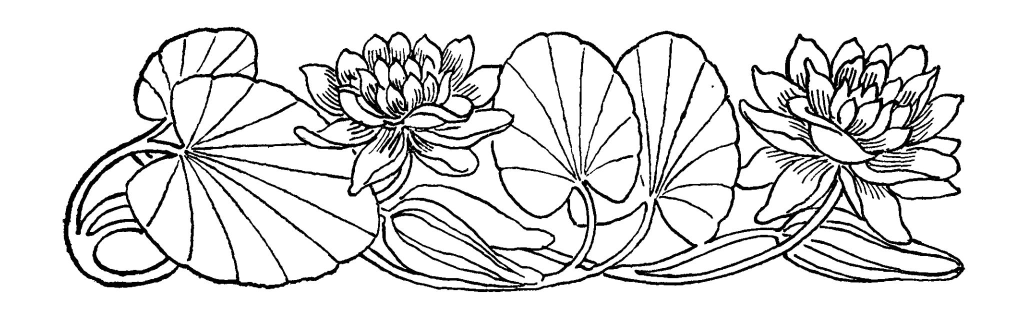

Мудрый отрѣшается отъ самого себя и этимъ самымъ достигаетъ всего, потому что ничего не признаетъ своимъ.

Когда существа развились, каждое изъ нихъ возвращается къ своему началу.
Возвратиться къ своему началу значитъ быть въ покоѣ.
Быть въ покоѣ значитъ исполнить свое назначеніе.
Исполнить свое назначеніе значитъ быть вѣчнымъ.

То, что мягко, побѣждаетъ то, что твердо; то, что слабо, побѣждаетъ то, что сильно.
Самое уступчивое покоряетъ самое твердое.

(Изреченія изъ Лао-Тзе).

Хроника жизни.

По поводу постройки Буддiйскаго храма въ Петербургѣ была поднята цѣлая исторiя и завязалась полемика въ газетахъ. Въ отвѣтъ М. Меньшикову на его статью въ „Русскомъ Знамени“ была статья Вашутина противъ Меньшикова, „задумавшаго обѣлить мрачное идолопоклонство, оправдать лживое и смертоносное язычество“. Въ этой статьѣ между прочимъ говорится такъ: кто знаетъ философское ученiе Будды, принца Готамы, тотъ знаетъ, что самъ этотъ принцъ былъ непреклонный „невѣръ“ и „нигилистъ“ самой чистой воды, убѣжденнѣйшiй, ярый „безбожникъ“; его нигилизмъ доходилъ до обожанiя абсолютной пустоты... Буддизмъ есть протестъ противъ всего духовнаго и божественнаго. При семъ выдвигается въ буддистѣ почитанiе единственно существующаго личнаго „я“; его культъ есть культъ крайняго эгоизма, крайней самости... Современный индiйскiй буддизмъ, перешедшiй въ индуизмъ, и западно-европейская теософiя, вышедшая изъ него (?), суть буддiйскiй мистицизмъ или „тантръ“, т. е. поклоненiе горамъ, волшебству, заклинанiю, ибо „тантризмъ“, иначе „дарни“, и есть волшебство“. Кончается эта статья словами „успокоится душа христiанская только тогда, когда капище будетъ срыто до тла, когда истуканъ невѣра и нигилиста Готама будетъ сброшенъ въ Неву“...

Въ отвѣтъ же Меньшикову была въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (№ 46) статья Филевскаго, который пытался доказать въ ней „громадную разницу“ между иконами и идолами. Статья эта полна „богословскаго туману“ даже съ точки зрѣнiя самихъ же богослововъ, какимъ является авторъ замѣтки о статьѣ Филевскаго въ „СПБ. Вѣдомостяхъ“. Филевскiй говоритъ: „Икона—не космическое (зоологическое или антро-

поморфическое) перевоплощеніе Божества, какъ въ язычествѣ. Идолъ... это—„престолъ сатаны“, по выраженію Апокалипсиса... Идолы—это „Андрамелехъ“ и „Анемелехъ“, боги месопотамскіе, „Асимаѳъ“, богъ сирійскій, „Ваалъ“, богъ хананейскій“... и т. д. (слѣдуетъ перечисленіе), а потомъ: „идолъ — это ложный богъ, изображеніе ложнаго бога“...—„Вотъ и разберись, замѣчаетъ авторъ замѣтки, „то богъ, то изображеніе“... Сама же редакція „Церковнаго Вѣстника“ согласилась, что „язычники почитаютъ не самихъ идоловъ, а изображенія боговъ“.

Вся буря по поводу постройки Буддійскаго храма основана на убѣжденіи „различія религій“, но:—„различіе религій“!—какое странное выраженіе“, говоритъ Кантъ. „Конечно, могутъ быть различныя вѣры въ историческія событія, употреблявшіяся не въ религіи, а въ исторіи, для укрѣпленія религіи, и относящіяся къ области учености средства, и точно такъ же могутъ быть различныя религіозныя книги (Зендавеста, Веды, Коранъ и т. д.). Но можетъ быть только одна дѣйствительная для всѣхъ временъ религія. Всѣ же различныя вѣры не могутъ содержать въ себѣ ничего иного, какъ только вспомогательное средство для религіи, которое является случайно и можетъ быть различнымъ, смотря по различію времени и мѣста“.

═ Весною въ газетахъ было напечатано обращеніе отъ комиссіи по борьбѣ со школьными самоубійствами. Въ немъ говорилось, что комиссія „считаетъ своимъ прямымъ долгомъ при наступленіи экзаменаціонной страды напомнить всѣмъ учащимъ и педагогамъ-экзаменаторамъ о томъ тяжеломъ ненормальномъ состояніи, какое переживаютъ сейчасъ и будутъ переживать въ августѣ учащіеся, особенно дѣти. Въ то время, какъ современная научная педагогика рѣзко и опредѣленно высказывается противъ какой-либо цѣлесообразности экзаменаціонной и бальной системы, практика новыхъ школъ фактически доказываетъ, что школа вполнѣ можетъ обойтись безъ экзаменовъ и отмѣтокъ, которые только мѣшаютъ стремленію къ истинному знанію, ослабляютъ самодѣятельность учащихся и грубо угнетаютъ неокрѣпшій дѣтскій организмъ, доводя его часто до полнаго переутомленія и нарушенія душевнаго равновѣсія... Результатомъ такого положенія является возрастаніе числа самоубійствъ въ это время. Такъ по оффиціальнымъ даннымъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ маѣ въ 12 разъ больше самоубійствъ, чѣмъ въ іюнѣ (1909 г.). Пусть эта поражающая цифровая разница заставитъ экзаменующихъ отнестись внимательнѣе къ ненормальнымъ переживаніямъ дѣтской души, отнестись къ дѣтямъ и юношамъ съ кроткой терпимостью старшихъ, болѣе сильныхъ, болѣе разумныхъ людей, памятуя, что за послѣднее время, вообще отмѣтка, а тѣмъ болѣе случайная и неудовлетворительная, провалъ на экзаменѣ

нерѣдко ввергали дѣтскую или юношескую душу въ такое отчаяніе, такой ужасъ и мракъ, что только въ добровольной смерти юныя души находили выходъ... Въ виду этого, комисія, имѣя въ своемъ распоряженіи многія наблюденія, матеріалы и документы предсмертной тоски уходящихъ отъ жизни, вѣритъ и надѣется, что ея обращеніе къ педагогамъ, родителямъ и родственникамъ дѣтей, обращеніе, имѣющее единственною цѣлью хотя бы на немного уменьшить громадное число школьныхъ самоубійствъ и покушеній на самоубійства, не явится голосомъ въ пустынѣ и найдетъ откликъ въ умахъ и сердцахъ, какъ педагоговъ, такъ и родителей, и тѣмъ самымъ облегчитъ и безъ того тяжелое положеніе учащихся и дастъ имъ силы пережить эти тяжелые дни...

Предсѣдатель комиссіи д-ръ **Никольскій.**

Въ послѣднемъ въ нынѣшнемъ полугодіи засѣданіи общества спб. психіатровъ, состоявшемся 21-го мая подъ предсѣдательствомъ акад. В. М. Бехтерева, д-ромъ И. П. Островскимъ прочитанъ былъ интересный докладъ на интересующую въ настоящее время общество тему о „сравнительной психологіи самоубійства у взрослыхъ и дѣтей". Докладчикъ отмѣтилъ въ своемъ сообщеніи преимущественное участіе въ современной эпидеміи самоубійствъ въ Россіи лицъ молодого возраста, главнымъ образомъ, до 30 лѣтъ (въ Петербургѣ 62,6%, въ Одессѣ—74,69%) и указалъ, что наибольшее число самоубійствъ падаетъ на возрастъ отъ 16 до 20 лѣтъ.

Въ основу своихъ положеній, объясняющихъ самовольную смерть человѣка вообще, д-ръ Островскій кладетъ преимущественно дисгармонію человѣческихъ влеченій—полового, семейнаго, соціальнаго и др.—въ томъ числѣ инстинкта жизни и самосохраненія. Въ молодомъ возрастѣ, въ пору полнаго расцвѣта силъ, инстинктъ самосохраненія оказывается наиболѣе слабымъ, легко ранимымъ и быстро утомляющимся.

Съ возрастомъ инстинктъ этотъ усиливается и лишь въ старческомъ возрастѣ онъ достигаетъ высшей степени развитія. На это указываетъ Мечниковъ въ „Этюдахъ о природѣ человѣка".

Въ отличіе отъ остальныхъ представителей животнаго царства, человѣкъ ищетъ смысла не въ самой жизни, а внѣ ея и стремится превратить ее изъ цѣли въ средство къ достиженію желаемой цѣли. Невозможность осуществленія желаемой цѣли ведетъ къ отверженію цѣнности жизни.

Психологическія особенности лицъ молодого возраста, при господствѣ въ этомъ возрастѣ явленій преимущественно эмоціональнаго ха-

рактера, при узости и односторонности критическаго анализа и оцѣнки условій и событій, особенно легко вызываютъ разочарованіе въ жизни. Поэтому возникновеніе конфликта у дѣтей и юношей отличается особенной импульсивною аффектностью, и катастрофа совершается съ характеромъ дѣйствія нерѣдко автоматическаго.

Въ преніяхъ по докладу д-ръ А. С. Грибоѣдовъ, ссылаясь отчасти на нѣкоторыя личныя воспоминанія и на данныя литературныя, дополнилъ сообщеніе д-ра И. П. Островскаго нѣсколькими замѣчаніями, касающимися психологіи самоубійства, подтверждая, между прочимъ, значеніе импульсивности въ самоубійствахъ не только у дѣтей, но иногда и у взрослыхъ, и указалъ на значеніе „психической заразы“.

Значеніе послѣдней особенно подчеркнулъ въ сдѣланныхъ по поводу доклада замѣчаніяхъ д-ръ В. Н. Цедербаумъ, указавшій, кромѣ того, что значеніе возраста въ вопросѣ о самоубійствахъ, если основываться на статистикѣ, является весьма неодинаковымъ для различныхъ національностей. Различное вліяніе оказываютъ и внѣшнія условія жизни, и это наиболѣе очевидно при сравненіи данныхъ о самоубійствахъ съ цифрами соціально-экономической статистики (обезпеченность населенія, страхованіе трудящихся на случай старости и инвалидности и т. д.). Острые моменты въ жизни народовъ имѣютъ лишь временное вліяніе, рѣзко иногда повышая число самоубійствъ (въ Японіи, напр., за 5 лѣтъ почти вдвое), постепенный же ростъ самоубійствъ есть явленіе хроническое, наблюдаемое въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Резюмируя все высказанное, проф. П. Я. Розенбахъ указалъ, что за послѣднее время вопросомъ о самоубійствахъ больше всего стали интересоваться психіатры. Вопросъ, конечно, долженъ ихъ интересовать, поскольку самоубійство—явленіе ненормальное. Какъ съ нимъ бороться—трудно сказать; быть можетъ, это удастся отчасти выяснить существующей въ Петербургѣ специальной комисіи при обществѣ охраненія народнаго здравія. Во всякомъ случаѣ, подтверждая высказанное мнѣніе о заразительности самоубійствъ, проф. Розенбахъ подчеркнулъ отрицательное значеніе въ этомъ вопросѣ той части прессы, которая муссируетъ обстановку самоубійствъ, особенно самоубійствъ лицъ интеллигентныхъ и т. п. Несомнѣнно, это крайне вредно. Для выясненія вопроса во всей полнотѣ необходимо участіе въ работѣ не только психіатровъ, но и соціологовъ.

Одинъ изъ самыхъ наблюдательныхъ русскихъ юристовъ А. Ѳ. Кони, вспоминая случаи изъ своей давнишней практики судебнаго слѣдователя, говорилъ, что къ самоубійству прибѣгаютъ лица, которыхъ

ни по обстановкѣ самоубійства, ни по обстоятельствамъ ихъ прошлой жизни, ни по поступкамъ нельзя было никакъ заподозрить въ психической ненормальности.

═ Стоитъ ли жить?

Въ № 1 „Недѣли“ за 1911 г. помѣщены отвѣты на письмо „одной изъ многихъ“, которая мучается вопросомъ—стоитъ ли жить? Этотъ же вопросъ занимаетъ другого подписчика, который пишетъ такъ: „для меня лично, чѣмъ дальше, дѣлается все болѣе и болѣе яснымъ, что жизнь есть страданіе, а жить и страдать—глупо и въ высшей степени невыгодно“.

Желающимъ переписываться съ нимъ по этому вопросу онъ сообщаетъ свой адресъ: г. Инсаръ, Пензенской губ., с. Арбузовка, С. Г. Козлову.

Открытіе „астральнаго тѣла“.

═ Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ чикагскій врачъ Патрикъ О'Доннель изумилъ американскій ученый міръ сообщеніемъ, что ему удалось, при помощи особаго химическаго процесса, установить въ темнотѣ фактъ лучеиспусканія человѣческаго тѣла. Лучи, по объясненію О'Доннеля, окружаютъ человѣческое тѣло на подобіе кольца, которое передвигается вмѣстѣ съ нимъ, во время болѣзней подвергается измѣненіямъ и со смертью исчезаетъ. Со времени перваго своего сообщенія О'Доннель произвелъ рядъ новыхъ опытовъ и на дняхъ ему даже удалось сдѣлать въ чикагскомъ госпиталѣ нѣсколько снимковъ. Избравъ для этой цѣли умирающаго, врачъ убѣдился, что туманное кольцо тотчасъ же со смертью паціента исчезло. Послѣ этого рядъ новыхъ опытовъ предпринятъ былъ въ присутствіи врачей въ чикагской художественной академіи. Нѣсколько лицъ, изъ числа моделей, закутали въ простыни. Когда въ темной комнатѣ простыни были сброшены, то послѣ химическаго процесса д-ра О'Доннеля начала обнаруживаться туманная оболочка, вполнѣ соотвѣтствующая очертаніямъ тѣла. Для провѣрки были приглашены изъ госпиталя сестры милосердія, не знавшія ничего объ опытахъ. Сначала онѣ въ темнотѣ ничего не разглядѣли, но затѣмъ, всмотрѣвшись, и онѣ увидѣли очертанія тѣла.

Если только во время опытовъ чикагскаго врача не имѣла мѣсто простая иллюзія зрѣнія, то остается заключить, что научно открыто, наконецъ, знаменитое „астральное тѣло“.

═ Въ своей корреспонденціи („Бирж. Вѣд.“) о первомъ конгресѣ расъ, собравшемся въ Лондонѣ, Е. Семеновъ вспоминаетъ, что 60 лѣтъ

тому назадъ культурное общество могло видѣть зрѣлище, отдаленно и слабо предвѣщавшее то, что мы увидѣли теперь на подготовительномъ и первомъ засѣданіяхъ конгресса расъ, (предсѣдатель лордъ Вордэль), въ Большомъ залѣ Лондонскаго Университета. На знаменитомъ Парижскомъ конгрессѣ мира 1849 г. подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго собрались представители только бѣлой расы и то только части ея: англосаксонцевъ, германцевъ и латинянъ; на этомъ же конгрессѣ расъ впервые собрались представители всѣхъ расъ, всѣхъ племенъ и народовъ, всѣхъ одѣяній, всѣхъ языковъ. Впервые мы увидѣли и услышали негритянокъ, китаянокъ, японокъ, которыя рядомъ съ ихъ бѣлыми сестрами, и не хуже ихъ, въ прекрасныхъ рѣчахъ доказывали несостоятельность расоваго предразсудка, несправедливость неравенства политическаго и соціальнаго. Помимо самого факта собранія такого конгресса, который можно было назвать не только „конгрессомъ мира“, но и „конгрессомъ міра“, самое зрѣлище, настроеніе, которое создавалось, чувства, которыя невольно охватывали собравшихся, рѣчи, которыя произносились,—все это было исключительно и необыкновенно... Когда вы видите чернаго индуса, ректора магачаджахскаго колледжа (изъ Индустана) Seal'а, который представилъ одинъ изъ лучшихъ докладовъ „О значеніи словъ: раса, племя и нація“ и который на прекрасномъ англійскомъ языкѣ блестяще отстоялъ свои не только гуманитарные, но и научные взгляды передъ нѣмецкимъ профессоромъ фонъ-Лушанъ; когда вы видите и слышите метиса, профессора атлантскаго университета, автора „Души чернаго народа“, доктора В. Дюбуа; или тутъ же рядомъ чернаго, какъ смоль, негра философа генерала Ложитима изъ Гаити съ его мулаткой-дочерью, говорящею на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и многихъ другихъ профессоровъ, ученыхъ, поэтовъ, черныхъ, бронзовыхъ негровъ, японцевъ, китайцевъ, индусовъ, мужчинъ, женщинъ,—то воочію убѣждаетесь, что вопросъ о высшихъ и низшихъ расахъ можетъ быть сданъ въ архивъ, и что неравенство между людьми сводится къ неравенству культуры, воспитанія и соціальной среды.

Это было отмѣчено на первомъ же предварительномъ собраніи, героемъ котораго, кромѣ выше упомянутыхъ цвѣтныхъ мыслителей, оказался изъ бѣлыхъ г. Ж. Фино, авторъ надѣлавшей шумъ книги „Le prejugé des races“ и маленькой книжечки, служащей какъ бы продолженіемъ и заключеніемъ предыдущей: „L'agonie et la mort des races“ (переведена на англійскій языкъ В. Стэдомъ).

Среди всѣхъ странъ въ первый разъ была серьезно представлена на такого рода конгрессѣ и Россія. Присутствовали на конгрессѣ въ качествѣ членовъ и делегатовъ университетовъ и просвѣтительныхъ

обществъ: М. А. Стаховичъ (музей имени Толстого), профессора: А. В. Васильевъ, А, А. Васильевъ, В. Е. Грабарь, Ященко, баронъ Корфъ, В. А. Маклаковъ, Е. П. Семеновъ, (моск. и с.-петерб. общества мира), Чоголковскій (кіевск. общ. мира), Заменгофъ (Варшава)—создатель эсперанто, и П. А. Кропоткинъ.

Тотъ, кто предается *ученію,* увеличивается каждый день.

Тотъ, кто предается Тао, уменьшается каждый день.

Онъ уменьшаетъ и уменьшаетъ себя до тѣхъ поръ, пока достигаетъ недѣланія.

Онъ не дѣлаетъ, но онъ становится владыкой міра (божественнымъ).

До тѣхъ поръ, пока онъ дѣятеленъ, онъ не можетъ быть владыкой міра (божественнымъ).

Святой человѣкъ не имѣетъ упрямаго сердца; его сердце сообразуется съ сердцами народа.

Съ добрымъ онъ обращается добро, съ недобрымъ тоже добро.

Съ честнымъ онъ обращается честно, съ нечестнымъ онъ обращается тоже честно.

Святой человѣкъ живетъ въ мірѣ, боясь въ мірѣ загрязнить свое сердце.

Высшая добродѣтель подобна водѣ.

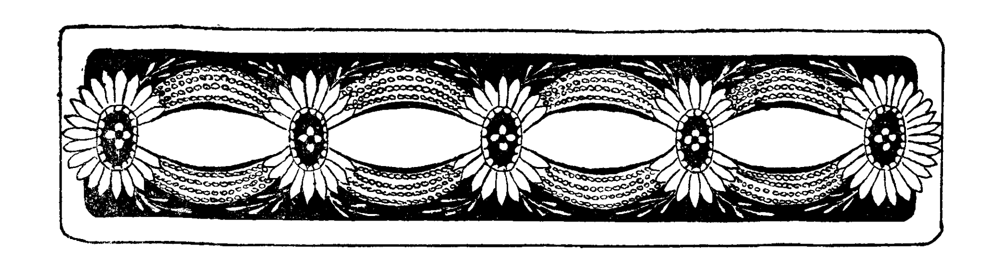
Вода тѣмъ и хороша, что она даетъ добро всѣмъ существамъ и не споритъ съ ними.

Достоинство души—въ безконечной тишинѣ.

Мудрый не борется ни съ кѣмъ, и потому на него никто не сердится.

Мудрый дѣлаетъ добро и не придаетъ этому значенія.

(Изреченія изъ Лао-Тзе).

Изъ газетъ и журналовъ.

Въ газетѣ „Россія“ были статьи Лукинскаго „Модернизмъ и Ватиканъ,“ „Праздникъ вѣры и жизни“ и „Сомнѣніе Өомы“. Въ первой статьѣ резюмируются главныя положенія Модернизма. Источникъ религіи, по мнѣнію модернистовъ, находится въ присущемъ всякому человѣку естественномъ законѣ совѣсти, и всякая религія имѣетъ по существу практическо-естественное значеніе. Откровеніе въ ихъ глазахъ является обычнымъ человѣческимъ документомъ, дѣятельностью Бога въ человѣческой совѣсти. Христіанскій догматъ не можетъ имѣть значенія какой-либо строго формулированной для всѣхъ людей величины, стѣсняющей свободу религіозныхъ убѣжденій. Напротивъ, это есть выраженіе внутренняго религіознаго настроенія каждаго отдѣльнаго человѣка, оно можетъ разнообразиться въ своемъ содержаніи и въ своемъ развитіи. Божественное установленіе церкви не есть фактъ, исторически утверждаемый. Для настоящаго историка церковь не существуетъ въ Евангеліи. Она появилась въ христіанствѣ путемъ эволюціи... По ихъ мнѣнію, самъ Іисусъ Христосъ и не называлъ, и не считалъ себя Богомъ. Но, имѣя въ виду, что никогда бы міръ греческій не послѣдовалъ за Мессіею еврейскимъ, но могъ бы слѣдовать за Богомъ,—первые и главнѣйшіе ученики Іисуса Христа пришли къ мысли соединить въ своей проповѣди элементы еврейскіе съ элементами грекоязыческими и провозгласить Іисуса Сыномъ Божіимъ—Словомъ... Сущность искупленія грѣшнаго человѣчества отъ грѣха состоитъ лишь въ томъ, что Богъ въ каждомъ человѣкѣ возбуждаетъ моральную энергію, и, чтобы достичь вѣчнаго спасенія, человѣкъ долженъ поддерживать въ себѣ эту энергію къ моральной жизнедѣятельности, вовсе не надѣясь на Божескую помощь... Седмиричное число таинствъ отрицается, такъ какъ

Христосъ ничего не установилъ, какъ таинство. Такъ-что, по мнѣнію Лукинскаго, модернизмъ по своему отрицательному отношенію къ церковнымъ традиціямъ и основнымъ догматамъ христіанства стоитъ на одной почвѣ съ самыми радикальными теченіями протестанскаго раціонализма и... угрожаетъ повидимому новыми бѣдами христіанству.

Вторую свою статью онъ начинаетъ словами Ницше: „Куда мы идемъ? Не блуждаемъ ли мы въ безконечномъ ничто? Не дышитъ ли на насъ пустое пространство... не наступаетъ ли все болѣе и болѣе темная ночь? Развѣ не слышите вы шума могильщиковъ, погребающихъ Бога"... „Богъ есть человѣчество будущаго и не нужно другого Бога" вотъ крики, которые раздаются все чаще и чаще и въ литературѣ и въ жизни. Но развѣ такое „Богоявленіе" можетъ успокоить мятущееся человѣчество нашихъ дней?... Соціалисты ограничиваютъ кругозоръ человѣка земною радостью, наивно полагая, что когда всѣ достигнутъ идеала буржуазной сытости,—то люди почувствуютъ, что на землѣ установился рай; но развѣ тѣ тысячи людей, на благосостояніе которыхъ посягаютъ они, не такъ же мятутся, недовольные жизнью, порою глубоко несчастные, какъ и всѣ остальные?... Истинное Богоявленіе было тогда, когда предъ мыслью человѣчества разверзлись небеса, и оно увидѣло, что на землѣ—Сынъ Божій, что всѣ люди—дѣти Небеснаго Отца и идутъ не въ темное царство безжизненныхъ тѣней, а подъ Его благославенный кровъ... Праздникъ такого Богоявленія міру только и можетъ быть для человѣчества настоящимъ праздникомъ вѣры и жизни...

Въ третьей своей статьѣ Лукинскій говоритъ, что не надо бояться атеистовъ, которые „борятся съ Богомъ, ища Божество", которые всю жизнь мучаются идеей Бога, а надо бояться атеизма, результатомъ котораго является обожествленіе своего я, своихъ страстей и эгоистическихъ стремленій... Сомнѣніе Ѳомы разрѣшилось восторженнымъ „Господь мой и Богъ мой!", это было сомнѣніе возрожденія, а не косности; чрезъ такое „горнило" испытанія должна была пройти вѣра всѣхъ апостоловъ... Съ быстрою рѣшимостью призванные къ апостольству, ученики Господни бросили домъ, родныхъ и шли за Нимъ, потому что въ нихъ жила увѣренность, что ихъ Учитель и есть грядущій Мессія.

Когда же Христосъ былъ взятъ подъ стражу и преданъ суду,—въ страхѣ и полномъ недоумѣніи разсѣялось „все стадо". Слушая неземное ученіе Христа, апостолы пропускали его сквозь призму іудейскихъ воззрѣній, строили новое зданіе на старомъ фундаментѣ и вотъ все оно при первомъ же дуновеніи вѣтра обрушилось. Процессъ сомнѣнія у апостоловъ и былъ періодомъ полной ломки старой храмины, вслѣдъ за чѣмъ постепенно началась постройка новой... Болѣзнь нашего вѣка, говоритъ Лукинскій, не сомнѣніе, а слѣпая вѣра въ разныхъ идоловъ,

вѣра въ поставленнаго Фейербахомъ и Контомъ золотого тельца—„человѣчество“, та вѣра, которая всю жизнь и все счастье человѣка на землѣ неизбѣжно приводитъ къ моральному мѣщанству... Нашей интеллигенціи нужно усумниться въ своей слѣпой вѣрѣ въ Фейербаха и Конта, повторившихъ въ сущности іудаистическій идеалъ, признавъ человѣкомъ лишь всякаго человѣка вообще, а не іудея только,—и когда зародится это сомнѣніе, только тогда духовное развитіе нашего общества сдвинется съ мертвой точки.

= Московское книгоиздательство „Мусагетъ“ издало философскій сборникъ подъ названіемъ „Логосъ“. Въ замѣткѣ объ этомъ П. Безобразовъ отмѣчаетъ въ этомъ сборникѣ статью берлинскаго профессора Зиммеля о метафизикѣ смерти. *) Зиммель старается доказать, что нашъ обычный взглядъ на смерть, будто Парки внезапно перерѣзаютъ жизненную нить,—не вѣренъ. Смерть съ самаго начала заложена въ глубину жизни, и въ дѣйствительности такъ-же мало какъ мы рождаемся въ минуту нашего рожденія, а скорѣе каждую минуту рождается какая нибудь частица насъ, такъ-же мало и умираемъ мы въ послѣднюю минуту. Увѣренный въ безсмертіи человѣка, Зиммель допускаетъ переселеніе душъ, метампсихозу, которую принималъ Платонъ и отвергалъ Аристотель. Переселеніе душъ является логически необходимымъ дополненіемъ безсмертія, ибо безсмертіе требуетъ предсуществованія. Что душа должна безконечно существовать только потому, что она случайно родилась, въ этомъ нѣтъ настоящаго смысла. Неуничтожимость же, какъ соотвѣтствіе несозданности, вполнѣ понятна. При такомъ предположеніи становится понятной убѣдительность великихъ мыслей, особенно тѣхъ, которыя научно недоказуемы. Онѣ никогда не могли бы дѣйствовать такъ непосредственно,—будто услышалъ то, что давно уже зналъ,—и такъ убѣдительно, если бы не были испоконъ вѣковъ заложены въ структуру души... Слова Зиммеля: „безсмертіе кроетъ въ себѣ смыслъ окончательнаго отдѣленія „я“ отъ случайностей его отдѣльныхъ переживаній“, совпали съ мыслью нашего философа профессора Лосскаго, статья котораго о безсмертіи души была помѣщена въ журналѣ „Вопросы философіи“. „О безсмертіи души знаетъ тотъ, говоритъ Лосскій, кто наблюдаетъ въ своей душевной жизни начало, стоящее внѣ теченія событій душевной жизни, но въ то же время сопринадлежное съ нимъ такъ, что безъ него эти событія не могутъ существовать“.—Сборники „Логоса“, говоритъ Безобразовъ, указываютъ на то, что наша философія отказывается отъ позитивизма и склоняется на сторону идеализма.

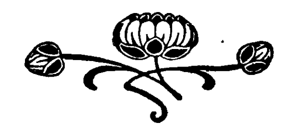
См. „Вѣстникъ Теософіи“, 1911 г., № 7—8, стр. 93.

— Въ газетѣ „Рѣчь“ была замѣтка Д. Философова о вышедшихъ на русскомъ языкѣ двухъ книгахъ Владиміра Соловьева „Русская идея“ и „Россія и вселенская церковь“. Обѣ эти книги появились впервые за границей, въ 1888 году, на французскомъ языкѣ. Въ первой части своей книги „Россія и вселенская церковь“ Соловьевъ показываетъ, какъ русская церковь, благодаря чрезмѣрному своему націонализму, утратила духъ церкви вселенской. „Церковь по самой природѣ своей,— говоритъ Соловьевъ,—не есть учрежденіе національное, и можетъ стать таковымъ лишь потерявъ дѣйствительный смыслъ своего существованія... Церковь въ Россіи, лишенная всякой точки опоры, всякаго центра единства внѣ національнаго государства, по необходимости кончила тѣмъ, что была порабощена свѣтской властью, а эта послѣдняя... съ неменьшей необходимостью пришла къ антихристіанскому абсолютизму“. Поэтому Соловьевъ призываетъ Россію къ совершенію „акта любви и справедливости“, „къ признанію себя органической частью великаго христіанскаго тѣла, къ признанію тѣсной солидарности нашей съ братьями на Западѣ, обладающими центральнымъ органомъ, недостающимъ намъ“.—Во второй части Соловьевъ исторически и богословски оправдываетъ первенство папскаго престола въ христіанскомъ мірѣ, и доказываетъ необходимость монархическаго начала въ церковномъ управленіи.—Въ третьей части книги онъ входитъ уже въ область какъ бы гностическую, раскрываетъ таинственный смыслъ догмата о Тріединствѣ Божіемъ и связи его съ идеей Софіи Премудрости Божіей.

Несмотря на свою историческую, богословскую и философскую внѣшность, говоритъ Д. Философовъ, книга Соловьева отнюдь не научная и не объективная. Можно даже сказать, что весь внѣшній аппаратъ учености вредитъ ей, тѣмъ болѣе, что основная мысль Соловьева можетъ быть вѣрной, даже если его экскурсіи въ область древнееврейскаго языка—легковѣсны. Книга эта—цѣнный документъ для пониманія внутренней трагедіи Соловьева, вся жизнь котораго была томленіемъ по истинной церкви, по церкви земной, видимой... Соловьевъ вовсе не былъ „обольщенъ іезуитами“, вовсе онъ не предавалъ православія. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить факты. Въ 1888 г. издана французская книга. Весною 1892 г. Соловьевъ послѣдній разъ говѣетъ въ русской церкви. 28 ноября 1892 г. пишетъ В. В. Розанову, что исповѣдуемая имъ религія Св. Духа „шире и вмѣстѣ съ тѣмъ содержательнѣе всѣхъ отдѣльныхъ религій“. 18 февраля 1896 г. Соловьевъ сталъ уніатомъ, а лѣтомъ 1900 г., наканунѣ смерти, принялъ Причастіе изъ рукъ православнаго священника. Но такъ какъ онъ чаялъ осуществленія Царства Божія не только на небѣ, но и на землѣ, и вѣрилъ, что стремиться къ осуществленію

этого можно только будучи членомъ единой, вселенской, видимой и земной церкви, то мечту свою по мѣрѣ силъ претворялъ въ плоть, ставъ уніатомъ, т. е. католикомъ по русскому обряду.

Какъ бы ни была несовершенна книга Соловьева,—говоритъ Философовъ,—сколько бы ни было въ ней фактическихъ ошибокъ, она неопровержима, потому что въ ней выражены подлинныя переживанія Соловьева, великое томленіе его духа, скорбь объ языческомъ состояніи Россіи и мучительная жажда воплощенія правды Божіей на землѣ.

Святой желаетъ не желать и потому не дорожитъ трудно добываемыми вещами.

Кому многое легко, тому многое сдѣлается труднымъ.

Поэтому святой человѣкъ находитъ все труднымъ, и поэтому во всей жизни его ему нѣтъ ничего труднаго.

Какъ только покидается великое Тао, такъ является человѣколюбіе и справедливость.

Какъ только является умная дальновидность, то является великое лицемѣріе.

(Изреченія изъ Лао-Тзе).

Письма къ читателямъ.

> Дайте величайшія блага человѣку, нарушающему Законъ Бога, и онъ будетъ несчастенъ. Отнимите у человѣка, положившаго свое благо въ исполненіи божественнаго закона все, что людьми считается за благо, и онъ все-таки будетъ счастливъ.
>
> *Л. Толстой.*

> Радость духа есть признакъ его силы.
>
> *Эмерсонъ.*

Я хочу говорить сегодня на тему, самую рѣдкую въ нашъ вѣкъ. Кто въ наши дни не только говоритъ, но даже упоминаетъ о наиболѣе свѣтломъ, наиболѣе окрыленномъ изъ всѣхъ даровъ человѣческой души, о радости?

Да и возможно ли говорить о ней въ наше темно-скорбное время, послѣ всего, что прошло передъ нашими глазами на зарѣ новаго вѣка?

И не навсегда ли погасъ ея свѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ для человѣческаго сознанія зажегся прометеевъ огонь пытливаго проникновенія въ тайны Бога, гордаго страданія отъ добровольнаго одиночества, неутолимой тоски по утерянной красотѣ отвергнутаго неба?

Нѣтъ, радость безсмертна, она отраженіе Жизни Бога и потому погаснуть она не можетъ никогда. Правда, бываютъ темныя времена подобно нашимъ, когда свѣту радости не въ чемъ отражаться, но она тѣмъ не менѣе здѣсь, около насъ, незримая и неосязаемая, и отъ нашей воли зависитъ воплотить ее въ жизнь нашего духа.

Чтобы понять существо радости, нужно проникнуть въ большія глубины. Посмотрите кругомъ, *кто* способенъ испытывать безпримѣсную радость? Малыя дѣти и святые. Что же общаго между этими противоположными полюсами человѣческаго воз-

раста? Можетъ быть, уловивъ это общее, мы лучше поймемъ тайну радости.

Три одинаковые признака отличаютъ какъ дитя, такъ и святого. Ребенокъ радуется потому, что еще не выдѣлилъ свое личное *я* изъ общей жизни, не построилъ еще стѣну между собой и остальнымъ міромъ; его душа открыта и онъ раздѣляетъ стихійную жизнь міра. Тоже и у святого: онъ побѣдилъ свое личное *я* и *уничтожилъ* стѣну, отдѣлявшую его отъ остального міра, онъ перенесъ центръ жизни изъ своего крошечнаго эгоистическаго *я* въ широкій просторъ общей міровой жизни, онъ раскрылъ свое сердце и заключилъ въ него все живое. Ребенокъ радуется еще и потому, что въ его душу еще не проникло сомнѣніе, онъ еще полонъ безсознательной вѣры; не менѣе исполненъ вѣры и святой, но вѣры сознательной, закаленной въ огнѣ страданія, прошедшей черезъ всѣ тяжелые искусы земной жизни. Третій признакъ, сближающій дитя и святого, это—отсутствіе заботъ. Ничто такъ не разъѣдаетъ здоровую радость бытія, какъ безконечныя заботы, все болѣе усложняющіяся съ возрастомъ человѣчества. Его творчество расширяется, предметы этого творчества умножаются до безконечности и жадное желаніе современнаго человѣка всѣмъ воспользоваться, все захватить для себя и для своихъ, становится все ненасытнѣе и острѣе, дѣлаетъ его рабомъ и гонитъ покой изъ его души.

А радость требуетъ свободы и внутренней тишины. На шумныхъ площадяхъ, въ суетѣ повседневныхъ заботъ, въ безпокойномъ исканіи все новыхъ впечатлѣній, нельзя уловить свѣтлую гостью и нельзя удержать ее въ сердцѣ своемъ. Для этого нужно отойти отъ житейской суеты не физически, а внутренно. Ибо возможно стоять въ самомъ водоворотѣ земной жизни и все же испытывать внутреннюю тишину Это бываетъ, когда человѣку удается временные интересы замѣнить вѣчными и прогнать заботы изъ сердца своего. Стать какъ дитя. Мудрецъ и Святой достигаютъ такой тишины именно тѣмъ, что они живутъ вѣчнымъ, отчего земныя заботы теряютъ свою силу надъ ними.

Это очень трудно понять человѣку на всемъ ходу современной жизни, главный признакъ которой безконечная сложность внѣшнихъ интересовъ и отсюда—все болѣе растущія заботы о завтрашнемъ днѣ. Но это—временное явленіе, а не норма жизни. Это -признакъ молодости человѣческихъ массъ, а не свойство человѣческой природы самой по себѣ, и не неизбѣжное условіе земнаго бытія. Сложность эта нужна, *пока человѣкъ растетъ*, какъ

нужна школа для дѣтей, и если школа, въ которой должны развиваться молодыя силы дѣтей, превращается въ мѣсто пытки, кто рѣшится сказать, что это *норма* жизни? Что жестокія англійскія школы, увѣковѣченныя Диккенсомъ въ его романахъ, или наши старинные кадетскіе корпуса и наши бурсы сороковыхъ годовъ, есть нѣчто неизбѣжное? На всемъ этомъ люди выучились, какъ *не* слѣдуетъ поступать, все это уже пережито, а наши *теперешніе* педагогическіе пріемы замѣнятся со временемъ настолько болѣе совершенными, что современная школа будетъ вспоминаться, не далѣе какъ черезъ сто лѣтъ, такъ же, какъ англичане вспоминаютъ школу временъ Давида Коперфильда, или какъ мы вспоминаемъ описанную Помяловскимъ бурсу. Изъ этого ясно, что всѣ несовершенства жизни временны, что они—неизбѣжное условіе эволюціоннаго процесса. Неизбѣжно и то, что отъ этого несовершенства страдаютъ болѣе всего два крайніе полюса человѣческой семьи: передовой, который состоитъ изъ наиболѣе развитыхъ и тонко воспринимающихъ людей, страдаетъ отъ того, что несравненно болѣзненнѣе чувствуетъ недостатки своего времени, а нижній полюсъ, состоящій изъ народныхъ массъ, страдаетъ въ силу того, что несетъ на себѣ всю главную тяжесть этихъ недостатковъ.

Темнота, озлобленіе, предразсудки, вотъ что болѣе всего портитъ жизнь. Но темнота уничтожается просвѣщеніемъ, озлобленіе — нравственнымъ развитіемъ, предразсудки — расширеніемъ кругозора. Это—временные гасители радости.

Насъ болѣзненно рѣжетъ мучительный разладъ современной жизни. Эта боль—хорошее чувство, но она должна толкать къ бодрой дѣятельности, а не къ унынію и сомнѣнію. Мы *должны* стремиться къ болѣе совершеннымъ формамъ жизни, но въ то же время твердо помнить, что суть не въ формахъ. Суть въ той нетлѣнной *красотѣ*, къ которой не перестаетъ стремиться наша душа. Всѣ видимыя формы лишь несовершенныя попытки выразить эту красоту. Мы ловимъ ея отблески всюду, мы жадно ищемъ ихъ въ жизни, въ людяхъ, въ природѣ, въ искусствѣ, и никогда не удовлетворяемся потому, что находимся въ процессѣ развитія. Вся земная жизнь есть неустанное *достиженіе*. Чего? Совершенной красоты, которая даетъ совершенную радость.

Но пока мы будемъ искать этой красоты въ однѣхъ внѣшнихъ формахъ, а духовное содержаніе, отъ котораго зависитъ *нравственный* порядокъ жизни, останется въ состояніи зачатка, радости не будетъ на землѣ.

И вотъ здѣсь мы подходимъ къ происхожденію радости: радость исходитъ изъ высшей природы человѣка, изъ его *духа*, а не изъ интеллекта и даже не изъ чувства: можно быть первоклассным мыслителемъ, обожать *своихъ* дѣтей, быть самоотверженнымъ членомъ *своей* партіи, даже жертвовать жизнью для осуществленія *своей* идеи, и все же быть внутренно темнымъ и несчастнымъ, и совсѣмъ не знать радости. Ибо все, что служитъ *личному* началу, хотя бы и чрезвычайно расширенному, безсильно вызвать истинную радость и удержать ее.

Радость—*сверхлична.* Это—ея коренной признакъ. Этимъ она отличается отъ эгоистическихъ удовольствій и наслажденій. Но въ такомъ случаѣ она недоступна для большинства людей? Для большинства *нашего* времени, не признающаго ничего выше своей воли, ставящаго свои личныя мнѣнія и вкусы высшимъ закономъ, она недоступна. Все сверхличное предполагаетъ существованіе высшаго Начала, не подверженнаго перемѣнамъ и колебаніямъ. Начало это должно стоять *надъ* эволюціоннымъ процессомъ и оставаться неизмѣннымъ, какія бы бури не потрясали внѣшній строй земной жизни.

Признаніе высшаго Начала, другими словами—Бога и *нравственнаго порядка*, независимаго отъ текучаго и постоянно мѣняющагося эволюціоннаго процесса, есть основа *религіознаго сознанія.* А религіозное сознаніе и опытное переживаніе радости стоятъ въ такой непосредственной связи, что одно безъ другого невозможно.

Только религіозное сознаніе въ силахъ побороть эгоизмъ нашего *я*, изгоняющій радость изъ человѣческаго сердца. Мудрецъ и Святой—разница между ними та, что послѣдній *чувствуетъ* свое единство съ Богомъ и міромъ, а первый *сознаетъ* это единство—не знаютъ унынія, потому что они побѣдили главный источникъ всѣхъ душевныхъ тревогъ, свое личное *я.* Они живутъ поднявшись надъ этими тревогами, они опытно пріобщились къ широкой жизни міра, отсюда—свобода, свѣтъ и полнота ихъ внутренней жизни. На это могутъ возразить: они могли подняться надъ тревогами своего личнаго *я*, но имѣютъ ли они право подниматься надъ чужими тревогами и страданьями? Не приведетъ ли это человѣка къ равнодушію, а самую жизнь къ застою? И не видимъ ли мы, что какъ разъ наиболѣе добрые и отзывчивые приходятъ въ отчаяніе при видѣ чужихъ страданій?

Несомнѣнно, что отзывчивость выше равнодушія, но есть нѣчто еще высшее. Можно быть *очень* добрымъ и не умѣть про-

никать въ глубь явленій. Человѣкъ, желающій познать истину своимъ *собственнымъ* разумомъ, долженъ еще дорости до такого познаванія. Пока же онъ не доросъ, онъ неизбѣжно будетъ заблуждаться, измѣряя огромныя величины своимъ маленькимъ личнымъ масштабомъ. Если же онъ захочетъ мѣрить соотвѣтствующей мѣрой, онъ неизбѣжно поднимется до религіознаго сознанія, которое обнимаетъ всю міровую жизнь, всѣ времена и всѣ этапы человѣческаго опыта и приводитъ къ свѣтлой увѣренности что, все, переживаемое міромъ, а слѣдовательно и нами—разумно, необходимо и ведетъ къ конечному благу. Нѣтъ ни одного ненужнаго явленія, ни одного излишняго страданія, все хаотическое—временно и въ концѣ превратится въ гармонію. И эта увѣренность не только возможна, она неизбѣжна для выросшаго и углубленнаго сознанія. Но она ведетъ не къ равнодушію, а къ расширенной отзывчивости, не къ застою, а къ сознательному участію въ міровомъ творчествѣ.

Возьмите человѣческое творчество: все, что человѣкъ создаетъ цѣннаго и прекраснаго, проходитъ черезъ тяжелые процессы: камень разбивается въ дребезги, желѣзо накаливается до красна, мраморъ обтесывается, но вѣдь это дѣлается не безцѣльно, а чтобы и камень, и желѣзо перешли въ болѣе высокое состояніе, стали проводниками человѣческаго творчества. Нѣчто подобное происходитъ и въ процессѣ духовнаго творчества, черезъ который проходитъ человѣческая душа. Она переноситъ мучительныя переживанія, скорбные опыты, чтобы не останавливаться на достигнутыхъ ступеняхъ, а подниматься все выше и выше. Поднятіе это трудно и требуетъ большого напряженія; но это потому, что достигаемая вершина чрезвычайно высока. И неужели пожелаемъ мы, чтобы она спустилась до нашего уровня? Если же такой уровень насъ не прельщаетъ, необходимо помириться и съ тѣмъ напряженьемъ, и съ тою болью, которыя испытываетъ наша низшая природа, когда незримый Художникъ отбиваетъ отъ нея безпощадно кусокъ за кускомъ для того, чтобы выявилась скрытая за ней красота нашей божественной природы.

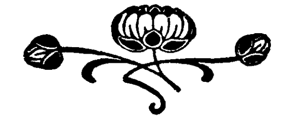
Эта боль и это напряженіе особенно мучительны въ переживаемую эпоху. Потому что наша эпоха—расцвѣтъ личнаго начала, завершеніе внутренней обособленности, какихъ міръ еще не видалъ никогда. Отсюда—чувство душевнаго одиночества у современнаго интеллигентнаго человѣка. Но и это—явленіе временное. Яркое переживаніе личныхъ эмоцій, острое ощущеніе

всего, что соприкасается съ собственнымъ *я*—лишь ступень, необходимая для развитія яркой индивидуальности, для построенія отчетливаго индивидуальнаго центра сознанія. И эта ступень минуетъ, и настанетъ конецъ душевному одиночеству человѣка, которое вырасло до такихъ мучительныхъ размѣровъ въ наше время.

Кто испытывалъ восторги молодой любви, тотъ знаетъ, какое блаженство заливаетъ сердце, раскрывшееся для того, чтобы принять въ себя другую жизнь; на короткое время стѣна, замыкающая наше отдѣльное *я*, падаетъ, и вмѣстѣ съ жизнью другой души вливается и радость въ наше сердце. Но эта стихійная радость не въ нашей власти, и длится она не долго: пламенное чувство остываетъ и человѣческая душа снова замыкается въ своемъ одиночествѣ. Чтобы радость не переставала свѣтить человѣку и оставалась въ его власти, необходимо, чтобы *единство жизни* проникло въ его сознаніе и онъ позналъ, что его одиночество—иллюзія, что его собственная жизнь и жизнь остального міра связаны такими безчисленными нерасторжимыми нитями, что всякая попытка оторвать себя отъ общей жизни приведетъ лишь къ страданію и къ внутреннему оскудѣнію.

Другого пути для водворенія радости въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ: разрушайте свой эгоизмъ, принимайте въ свою душу жизнь окружающаго міра, сознавайте свое единство, какъ съ самымъ великимъ, такъ и съ самымъ малымъ, и радость не будетъ покидать васъ. Мало того: вы сдѣлаетесь свѣточами и для другихъ, потому что духовная радость—великая сила, разгоняющая всякій мракъ изъ души человѣка, и прежде всего, его сомнѣніе въ себѣ самомъ, въ своей божественности, въ вѣчной цѣнности своей безсмертной души.

Другъ читателя.

Новое о „606“, о его дѣйствіи и примѣненіи при сифилисѣ. Доктора Грюнбергъ. Спб., 1911 г. Цѣна 40 коп.

Сифилисъ и алкоголь — двѣ причины физическаго вырожденія человѣчества. Брошюра д-ра Грюнберга знакомитъ въ обще-доступной формѣ со способами примѣненія препарата проф. П. Эрлиха и рекомендуетъ его примѣненіе каждому, кто имѣлъ несчастіе заразиться дурною болѣзнью.

Чувства у растеній. Р. Франсэ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. Хр. Я. Гоби. (Библіотека самообразованія „Брокгаузъ-Ефронъ“ подъ редакціей проф. П. И. Броунова и В. А. Фаусека). Спб. 1907 г. Вып. 2. (Спб. Прачешный пер., д. 6).

Грань между минеральнымъ, растительнымъ и животнымъ царствами существуетъ больше въ теоріи, чѣмъ въ дѣйствительности. Книга Р. Франсэ, отлично переведенная на русскій языкъ, вводитъ читателя въ таинственный, загадочный міръ, полный спокойныхъ и въ то-же время могучихъ силъ, извлекаетъ его изъ моря предразсудковъ о сущности вещей, поднимаетъ надъ вседневной обыденной жизнью и научаетъ любить природу и находить въ ней самого себя.

Во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ растеніе олицетворяется какъ живое и это смутное преданіе превратилось въ Индіи въ философскую мудрость, которая,—какъ въ зеркалѣ,—отражаетъ намъ все изъ природы загадочнымъ изреченіемъ: „Это—ты“! Форма растеній есть не болѣе какъ внѣшняя скорлупа, оболочка вокругъ истиннаго ядра—жизни, за которой скрывается нѣчто общее съ тѣмъ, что есть въ насъ самихъ. Воистину: „Это—ты“!

Изреченія изъ Лао-Тзе, изд. фирмы „Посредникъ“ № 771. Цѣна 10 к.

Краткія, но содержательныя изреченія китайскаго мудреца даютъ отличный матеріалъ для размышленія и медитаціи.

К. Кудрявцевъ.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**